

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА
ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

Юрий Григорьевич Корчевский
Огонь! Бомбардир из будущего
Серия «Боевая фантастика Ю. Корчевского»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13136435
Огонь! Бомбардир из будущего / Юрий Корчевский: Яуза : Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-84060-1

Аннотация

Взрывной фантастический боевик от автора бестселлера «Пли! Пушкарь из будущего»! Провалившись в XVII век, наш современник поступает на службу новому «богу войны», став бомбардиром Петра Великого.

Он сбежит из шведского плена, заложив бомбу под королевский фрегат.

Он вырвется из испанских застенков, взорвав пороховой арсенал.

Он сметет пушечными залпами степных разбойников и отправится в первый Петровский поход, чтобы громить ядрами неприступные стены Азова.

ОГОНЬ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Корчевский

Огонь! Бомбардир из будущего

Глава 1

Побег

Поднявшись утром, решил собираться. Дело сделано, языка не знаю, пора и честь знать, собрал невеликие свои пожитки. Но напоследок хотелось встретиться с Филиппом. Попрощаться, конечно, ну и забрать вещи, которых в комнате я не находил – например, не было штуцера, мушкета, подаренной шпаги, одежды. Очень кстати, легок на помине, вошел Филипп в черном деловом сюртуке. Прямо с порога он воскликнул:

– Я так и знал, что ты будешь собираться в дорогу. Куда ты вчера исчез, я искал тебя весь вечер?

– С дамой был, помнишь ли ты прекрасную графиню, что сидела напротив меня?

Филипп весело захохотал:

– А я уж думал, ты не попробуешь ни одной француженки! Собирай вещи, едем ко мне, весь багаж у меня дома, можешь отдохнуть у меня, куда тебе торопиться?

Но я хотел уехать до осенних штормов и распутицы, август кончался, неизвестно, как встретит Русь, какой погодой? Мы поехали в карете домой к Филиппу, по дороге я разглядывал дома, улицы и площади. После дворца большого впечатления не получил.

По французским меркам дом Филиппа был неплох – в два этажа, из пиленого камня, с дубовыми дверями. Сзади, за домом, был небольшой садик. В комнате в целости и сохранности лежала моя сумка с одеждой, в кожаных чехлах хранились ружья. Мы посидели, выпили вина, к которому я уже начал привыкать. Филипп вызвал слугу и отправил его с поручением.

– Каким путем ты будешь добираться назад?

– Думаю, так же, как и сюда, – морем до Иван – города, если повезет с русскими купцами, до Новгорода, а там как получится.

– Охрану бы нанял, сто золотых ливров, полученных тобой – сумма большая, можно купить морской корабль или имение во Франции. Разбой на дорогах процветает, если прознают про деньги – беда!

– Так пара охранников не убережет, случись серьезная передрыга.

– Должен сказать тебе по секрету, со дня на день может начаться война с Испанией, войска уже идут к югу, на море стычки уже происходят, как бы не попасть на море в неприятности – захватят судно в плен или еще хуже – утопят, может, тебе поехать сушей? С немцами отношения хорошие, доедешь сушей до какого-либо немецкого порта – Киля или Данцига, а там, на Балтике, испанцев нет, да и с немцами они не воюют.

Я задумался, в его словах было рациональное зерно. Да, пожалуй, я так и сделаю, по суше через Германию до немецких портов, а далее морем.

Я поблагодарил Филиппа за совет, мы выпили еще прекрасного бургундского. На улице застучали подковы, послышался шум колес подъехавшего экипажа.

– Это за тобой, я послал слугу нанять для тебя экипаж, поскольку я еще не знал, куда ты поедешь, какой дорогой, с кучером пойдем договариваться вместе.

Мы вышли, у дома стояла большая карета, запряженная парой лошадей, кучер стоял подле. Толстый, солидный дядька с длинными усами, красные щеки и нос с прожилками выдавали любителя выпить. Филипп стал договариваться, конечной целью определили Любек – один из оживленных портов Ганзейского союза, там часто бывали и русские

корабли. Филипп начал сговариваться о цене, бурно жестикулируя руками. Наконец он подошел ко мне, спросил, есть ли у меня еще какие-либо деньги, кроме золотых ливров короля. Я поинтересовался, а какие нужны? У меня были с собой из Москвы.

– Я договорился за два серебряных гульдена, один нужно отдать сейчас авансом.

Я отвернулся от кучера, развязал поясной кошель, высыпал на руку горсть серебряных монет. Филипп выбрал одну и вручил ее кучеру. Слуга тем временем снес к экипажу мои вещи. Кучер взобрался на облучок и поинтересовался, будет ли охрана. Получив отрицательный ответ, неодобрительно покрутил головой, вытащил из-под облучка здоровенный короткоствольный мушкетон. Елки-палки, да это же чуть не маленькая пушка. Довольный произведенным впечатлением, сунул его назад и что-то проговорил по-французски. Филипп перевел – заднее окно кареты опускается, если господин имеет ружье – он покосился на ружейные чехлы, то может стрелять через окно. Ну что же, хорошо, что предупредил. Пока слуга затаскивал в экипаж вещи, коих и было немного, мы дружески обнялись с Филиппом, похлопывая друг друга по спинам. Прошедшие приключения и дальняя дорога нас сблизили, было бы неплохо, если бы Филипп вернулся в Москву, но увы. Филипп даже всплакнул, утерев глаза кружевным платочком. Я сел в экипаж, и мы тронулись. Какое-то время в заднее окошко я видел его фигуру, махавшую мне рукой. Сначала я разглядывал проплывавшие мимо дома, потом пошли окраины, и я решил заняться оружием. Достал из чехлов, почистил и зарядил штуцер и мушкет, затем оба пистолета. Шпага лежала в ножнах, я вытащил ее, полюбовался блеском отличной стали и со вздохом убрал назад в ножны. Пользоваться ею я не умел, так же как и другим холодным оружием, так, научился немного махать саблей, но с опытным фехтовальщиком мне долго не продержаться. Укачиваемый в подрессоренной карете, сидя на мягких сиденьях, обитых кожей, я задремал. Проснулся от того, что остановились. Мы стояли у постоялого двора, кучер знаками показал, что надо кормить лошадей и кушать самим, и показал рукой на постоялый двор. Я вошел, трапезная была пустынная, или время не обеденное, или место неудачное выбрано. Подошедшему хозяину я жестами объяснил, что хочу курицу и вина. Все было быстро принесено, мы с кучером разделили трапезу, а поскольку из кухни восхитительно пахло пирогами, взял с собой в дорогу парочку пирогов со сладкой начинкой и бутылку вина. Кучер покосился на бутылку, сел на облучок, и мы снова тронулись. Дороги были грунтовые, пыль летела из-под колес, и хотя был небольшой боковой ветер, пыль набивалась в карету, садилась на волосы и одежду. Пожалуй, кучер был в лучшем положении на свежем воздухе. Миновали несколько деревень и небольшой городок. Какое-то седьмое чувство заставило меня насторожиться, обернуться, посмотреть в окошечко. Нас догоняли четыре всадника, меж тем наши лошади уже подустали, вряд ли мы оторвемся ходом. Я расчехлил оружие, и когда в клубах пыли появился просвет, опустил откидное окно, высунул ствол, прицелился и выстрелил. Один всадник упал, но остальные прищипорили лошадей и стали приближаться. Я слышал, как кучер погонял усталых лошадей, пытаюсь уйти с лесной дороги, экипаж кидало на корнях деревьев и ухабах. Времени перезарядить штуцер не было, я взял мушкет.

Теперь главное – не выстрелить раньше срока. Мушкет заряжен картечью, максимум пятьдесят метров хорошего выстрела.

Всадники, не встречая огня, быстро приближались. Я прицелился, выстрел, один упал с лошади, второй безжизненно свесился с седла, но лошадь продолжала скакать. Оставался еще один. Видно, сильно обозленный потерей товарищей, он не отставал, медленно приближаясь. Я высунул в окно пистолет, прицелился и выстрелил, но в это время карету сильно качнуло, и я увидел, что пуля срезала несколько веток в стороне. Не беда, есть еще пистолет. Я отбросил на сиденье разряженный и взял готовый к стрельбе. Лицо догонявшего было скрыто под полумаской, в правой руке он сжимал шпагу, за поясом виделась рукоять пистолета. Кони устали, стали хрипеть. Кучер что-то прокричал по-французски, понять бы еще

что? Я понимал, что еще минута-две такой скачки, и наши кони встанут, разбойники же были на свежих лошадях. Сейчас помог бы мушкет, но он разряжен, кучер же был занят управлением лошадьми и помочь не мог. Вот до всадника осталось не более десяти метров, я прицелился в середину груди. Даже если у него одета под одежду кольчуга или панцирь, удар будет такой, что его просто вышибет из седла. Выстрел! Но мерзавец в последний миг резко наклонился, опершись на одно стремя. Баланс сил теперь становился непредсказуем. У разбойника заряженный пистолет и шпага, у меня только шпага, которой я не умею владеть. Ну что же, выбора не было. Я достал шпагу из ножен, и в это время слева послышался звон стекла. Разбойник скакал уже рядом, ногой выбив окно. Я прижался к стене кареты, чтобы меня не было видно, и как только рука разбойника ухватилась за край облучка, – вероятно, он хотел сразить кучера, я резким выпадом всадил шпагу в плечо. Он вскрикнул от боли и неожиданности и выронил свою шпагу, но не растерялся и левой рукой выхватил из-за пояса пистолет. Правая рука его повисла, как плеть, по рукаву обильно струилась кровь, поводья были отпущены, и лошадь скакала рядом с каретой. Я попытался уколоть его шпагой, но он увернулся. Стрелять в меня ему было несподручно, для этого необходимо было повернуться всем корпусом, а раненая рука сковывала движения. Кучер, видно, понял, что дела идут не очень хорошо, я давно не стрелял. Он вытащил из-под сиденья мушкетон, обернулся влево и, держа мушкетон одной правой рукой, выстрелил. Разбойника качнуло в седле, вероятно, все-таки зацепило. В ответ почти мгновенно он выстрелил в кучера. Несколько секунд ничего не происходило, затем лошади замедлили ход, и карета остановилась. Я пинком открыл правую дверь и, схватив шпагу, выскочил. Лошади стояли в пене, тяжело поводя боками, кучер, обмякнув, сидел на облучке, прислонившись спиной к стенке кареты и свесив голову. Сзади раздался шорох, я мгновенно обернулся и увидел противника. Молодой человек крепкого телосложения, по правой руке стекает кровь, на левой несколько кровавых пятнышек от дроби мушкетона, из которого стрелял кучер. Лицо его искажалось от ярости и боли, но настроен он был решительно. Как врач, я понимал, что долго ему не продержаться, скажется кровопотеря, лицо его было бледновато, но разбойник решительно шагнул вперед и взмахнул шпагой. Реакция у меня была неплохой, я успел присесть, и клинок пролетел у меня над головой. Похоже, левой рукой он владел неплохо, учитывая несколько дробинок в ней. Я решил его измотать, перебежав на другую сторону кареты, разбойник последовал за мной, но не так резво. Ага, я выбрал правильную тактику, надо его погонять, пока кровопотеря его не обессилит. Я не давал ему приблизиться на расстояние удара шпагой, держа дистанцию метров пять, постоянно перемещаясь за деревья, карету, валуны. Разбойник на глазах слабел, его уже пошатывало, но решимость его не убывала. Если он не убьет меня, я убью его, и он это понимал. Наконец судьба дала мне удачный момент, француз запнулся о корень дерева и потерял равновесие. Я не сомневался ни мгновения, подскочив к нему, всадил шпагу в левый бок. Застонав, он упал, но какой живучий оказался: из положения лежа попытался уколоть меня своей шпагой в живот. Мне удалось отскочить, и, зайдя с другого бока, я ударил его шпагой прямо в сердце. Посучив ногами, разбойник затих. Я устало сел на пенек, переводя дыхание, посидев несколько минут, поднялся, обтер об одежду убитого шпагу и вложил в ножны. Залез в карету и трясущимися от пережитой схватки руками перезарядил все свое оружие, заткнув пистолеты за пояс. Кто его знает, не появится ли на дороге кто-либо еще, например дружки убитых разбойников, оставаться безоружным мне не хотелось. Теперь надо было выяснить, что с кучером, – жив он, если ранен, то насколько тяжело, убит ли. Когда я забрался на облучок и начал нащупывать пульс, кучер застонал. Жив, курилка! Я, как мог, осторожно спустил его на землю, стянул кафтан и осмотрел. Пуля разбойника раздробила ему плечевую кость, рука безжизненно болталась, неестественно изгибаясь выше локтевого сустава. Я бросился в карету, достал сумку с инструментами, первым делом влил ему в рот настойки опия, иначе болевой шок может его погубить, затем сходил в лес и нало-

мал веток, чтобы наложить шину. Разрезав рукав рубашки, несколько расширил рану, извлек расплюснутую свинцовую пулю и крупные отломки кости, наложив веточки по размеру, как мог репозирировал отломки кости, наложил импровизированную шину. С большим трудом затащил в карету кучера и уложил его на сиденье. Щеки его были бледными, но пульс уже был приличным для такой тяжести ранения. Лошадь разбойника ускакала, теперь надо было заняться убитым. Я обшарил карманы, в которых нашел пару золотых монет, сунул их в карман, чтобы затем отдать кучеру на лечение. Какое-то время работать он не сможет. Осмотрев шпагу разбойника, нашел ее довольно хорошего качества и, обтерев, сунул в ножны, отстегнутые с пояса убитого. Пистолет был старый, уже тронутый ржавчиной, интереса для меня не представлял, но поскольку железо было довольно дорого, сунул вместе с мушкетом кучера под сиденье облучка. Осмотрел место схватки. Если бы не убитый, то ничего бы и не говорило о поединке. Убитого решил не хоронить и не брать в карету. Найдут разбойники — похоронят, найдут волки или шакалы — кроме черепа, ничего не останется, увидят честные люди — порадуются, что одним мерзавцем стало меньше, маску с лица я не снял, а честный человек лицо не укрывает.

Сев на облучок, тронул вожжи, немного отдохнувшие лошади медленно поплелись по дороге. Через пару километров показалась деревня с небольшой церковью почти в центре. Туда я и направил лошадей, остановив их на небольшой площади. Вокруг меня собралась небольшая толпа местных жителей. Я спрыгнул с облучка, отворил дверцу кареты, жестом подозвал двух местных, похоже, крестьян. Они с опаской заглянули внутрь, увидели кучера с пятнами крови и о чем-то заговорили с жителями. Раненый застонал, и я показал, что его надо вынести и отнести в дом. Кучера вынесли и положили на землю, подстелив какую-то дерюжку. К нам подошел из церкви кюре или пастор, кто его разберет, в сутане с белым воротничком, бегло осмотрел кучера, что-то проговорил. Двое местных бросились в глубь деревни, а раненого, взяв дерюжку за концы, перенесли в ближайший дом. Я стоял на площади рядом с каретой в одиночестве и решал, что же мне делать. Мои размышления прервал появившийся жандарм. Здоровенный детина в форме, с саблей на боку, утирая грязным платком вспотевший лоб, спрашивал меня по-французски. Я ничего не понимал и, лишь указав на себя пальцем, несколько раз повторил:

— Руссо, Московия.

Жандарм сходил за священником, тот попытался говорить со мной на польском. Отдельные слова я улавливал, медленно, чтобы он меня понял, я рассказал, что москвит, приезжал в Париж по просьбе короля. Возвращаясь назад, подвергся нападению разбойников, один из которых — убитый и лежит в лесу недалеко отсюда. В доказательство я вытащил свои дорожные бумаги и предъявил. Жандарм с интересом их посмотрел, но, по-моему, ничего не понял, так как читать не умел, но, как и всякого служивого, бумаги с печатями на сургуче его успокоили. Он ушел, но через несколько минут проскакал верхом, направляясь по дороге в лес, где произошла стычка. Я опять остался один. Немного потоптавшись, сел в карету, ожидая, чем это все кончится. Где-то через час прискакал жандарм, вокруг которого собрались местные жители, вышел кюре. Жандарм рассказал, что в лесу лежит убитый известный разбойник, которого давно разыскивают за многочисленные преступления, кюре подтвердил его рассказ, объяснив, что раненый пришел в сознание и смог рассказать о нападении. От толпы отделились несколько человек, завели лошадей и карету во двор, где лежал раненый, туда же пошел и я. Как мог, я постарался поговорить со священником, стараясь объяснить ему, что мне надо ехать дальше. Он лишь мотал головой, показывая жестами, что надо спать. И в самом деле, я за всеми перипетиями не заметил, что солнце уже садится, скоро стемнеет. Мне постелили постель, я перетащил сумку с деньгами и оружием к себе в комнату. Вошла хозяйка и пригласила за собой. За столом сидела многочисленная семья хозяина дома. Меня усадили, и я разделил с ними скудную трапезу.

Утром я пошел к священнику, только с ним я мог хоть как-то изъясняться. Он повторял только одно «ждать». Ну что же, будем ждать. Пока нечего было делать, я навестил раненого. Состояние его улучшилось, он был в сознании, но бледен. Здоровой правой рукой он пожал мне руку, что-то говоря. Я достал серебряный гульден и, хотя кучер пытался протестовать, вложил ему в руку. Мне показалось, что он его заслужил.

С улицы донеслись стук копыт и шум колес. Я вышел и увидел небольшую карету, запряженную одной лошадью. Из церкви вышел священник и объяснил, что дальше меня повезет эта карета, лучшего в ближайшем городке не нашлось. Оказалось, вечером он отправил своего прихожанина в соседний городок, чтобы найти мне новое средство передвижения. Я с чувством пожал ему руку, поняв теперь, что означало его «ждать».

Перегрузив вещи в карету, мы тронулись в путь. Молодой кучер во все горло распевал песни, ничуть не заботясь, нравится ли это мне. Без приключений мы добрались до Любека, кучер подъехал к порту, выгрузил мои вещи, и я расплатился. Я отнес вещи в припортовый постоялый двор и снял там комнату, заодно хорошо пообедал. Теперь надо было искать корабль в нужную сторону. Двинулся на пристань, пытаюсь по очертанию кораблей узнать русский. Вот что-то похожее на большой морской ушкуй, с кормовой надстройкой. Подойдя, я окликнул матроса. Тот действительно оказался русским. К сожалению, они пришли только вчера, дня два-три уйдет на разгрузку, затем пойдут грузиться в другой порт.

– С той стороны пирса стоит русский купец, вчера они грузились, наверное, сегодня будут отходить.

Поблагодарив, я пошел к указанному судну. И в самом деле, у пирса стояла пузатая торговая шхуна новгородского купца, который согласился меня взять до Новгорода за два серебряных рубля, если без харча, и за три со столованием.

Деньги ему я отсчитал сразу, попросив для переноса вещей пару матросов. За пять медяков вещи были перенесены на корабль в отведенную мне маленькую каюту, и, перекрестившись, купец приказал отчаливать. В портовой гавани сновали корабли, мы медленно, на одном носовом парусе выбрались из гавани и оказались в открытом море. Были подняты все паруса, и шхуна бодро устремилась на восток. Я постоял немного на палубе, но, утомленный долгой ездой в карете, решил пойти в каюту отдохнуть. Проснулся от стука в дверь, меня приглашали к ужину. На палубе сидела вся команда. Посередине стоял котел с кулешом, лежал нарезанный хлеб. Мы поели, затем купец меня стал расспрашивать – кто я и откуда, какие где цены. Поскольку цен на товары я не знал, слегка раздосадованный купец отошел. На судне были спущены все паруса, лишь горел светильник на мачте, и на носу ходил вахтенный. Команда улеглась спать, и я последовал их примеру. Утро оказалось не таким радостным, я услышал торопливую беготню матросов на палубе, возбужденные разговоры. Быстро оделся и выскочил из каюты. Невдалеке от нас, в паре кабельтовых, покачивался на волнах громадный военный корабль с несколькими рядами пушечных портов на борту, на корме реял шведский флаг. Капитан вглядывался в судно, пытаюсь понять, какого черта им от нас надо. Когда он уходил из Новгорода, Швеция с Россией не воевала, на пиратов наша пузатая торговая шхуна никак не походила, но ведь просто так военный корабль стоять не будет. Отбиться от него двумя скромными пушечками нечего и думать. У него с одного борта я успел насчитать шестьдесят портов. Залпа половины из больших пушек на такой короткой дистанции хватит, чтобы от шхуны остались мелкие щепки. Оставалось ждать. От фрегата отвалила шлюпка и направилась к нам. Несколько матросов гребли, были видны два офицера в белой униформе. Шлюпка подошла, стукнулась о борт. Купец распорядился сбросить веревочный трап. На борт взобрались два морских офицера, в белой униформе, в шляпах с перьями, в высоких ботфортах. Поправив одежду, на русском спросили:

– Кто капитан, каков груз, откуда и куда следуете?

Купец вышел вперед:

– Следуем из Любека в Новгород, груз – железо в криницах и железные изделия.

– Мы должны досмотреть судно, по сообщению шведских властей, вы перевозили в Любек товары, не заплатив пошлины!

Купец начал возмущаться, пытаясь что-то доказать, но его никто не слушал. Один из офицеров дунул в свисток, болтавшийся до того на шее на цепочке, на шхуну полезли матросы со шлюпки. Один встал у руля, двое других согнали команду на нос судна, офицер помахал шляпой фрегату. Матросы распустили паруса, и мы двинулись за фрегатом в кильватере. К вечеру, когда мы уже продрогли на ветру, показался шведский берег. Фрегат подошел к пирсу, мы встали следом. На борт были брошены сходни, вошла команда портовой охраны, нас согнали на берег, не позволив взять даже личные вещи. Под конвоем из четырех вооруженных солдат нас отвели в портовую тюрьму, располагавшуюся неподалеку, и заперли в одной общей камере. Все устало повалились на грязную, сопревшую солому, в углу пищали и возились крысы, хотелось пить и есть. Я придвинулся к купцу, свет еле проникал через маленькое зарешеченное оконце, солнце уже садилось, и с каждой минутой в камере становилось темнее. Я обратился к купцу:

– Слышь, Гриша, за что нас, как долго мы будем здесь сидеть?

– Вины за собой я не знаю, а сколько будем сидеть – одному богу известно. Придется ждать суда, раньше нас не отпустят. Хорошо еще, если судно и товар не конфискуют, завсегда свои русских купцов обижали.

Я переварил услышанное и решил спать, в моем положении ничего более не оставалось.

Утром купца увели, затем поодиночке стали вызывать членов команды. Меня вызвали в последнюю очередь. В маленькой комнате за столом сидели в камзолах двое важных господ. В руках у них я увидел свои подорожные документы:

– Кто вы, с какой целью находитесь на судне?

– Я лекарь из Московии, мое имя Кожин, на судне нахожусь пассажиром, направляюсь из Франции домой, в Москву. Мне хотелось бы знать, на каком основании я задержан? Документы мои в порядке, к судну я никакого отношения не имею.

Шведы о чем-то переговорили на своем языке:

– Будете находиться вместе с командой на общих правах до решения суда.

– А в чем моя вина?

Но слушать меня никто не стал. Надзиратель грубо толкнул в плечо и отвел в камеру. И это у них, блин, правосудие?

Вся команда уже была в камере, не хватало лишь купца, который как владелец был и капитаном. Его под руки притащили позже, был он избит. Как мог, я попытался оказать помощь. Еды снова не давали, но принесли в большом кувшине воды, все напились, я смочил купцу повязки.

– Гриша, что они хотели?

Купец, застонав, повернулся на бок.

– Хотя, чтобы я признал вину, якобы беспошлинно возил воск и меха в Ганзейский союз.

– А если заставят признаться?

– Судно и груз конфискуют в королевскую казну, команду отправят на галеры или на каторгу.

Такой оборот меня не устраивал. Надо было что-то придумывать. Осмотрев решетку на оконце и стены, понял, что отсюда, кроме как через дверь не выбраться.

Я придвинулся к купцу:

– Гриша, а суд может нас признать невиновными и отпустить?

Купец долго молчал, я даже подумал, что он не услышал вопроса:

– Это вряд ли.

Такой ответ еще более укрепил меня во мнении, что отсюда надо бежать.

– Гриша, бежать отсюда надо!

Купец лишь усмехнулся разбитыми губами:

– А как?

– Да на нашем же судне.

– До судна еще добраться надо, а там охрана, да даже если уйдем из порта, фрегат догонит, он значительно быстрее.

Я надолго задумался. Да, препятствий много, но каторжный труд на серебряных копиях короля Густава меня не прельщал. Я зашептал Григорию в ухо:

– Кто из твоих ребят может держать язык за зубами и силушкой не обижен?

Купец даже не задумался:

– Федор Карасев и Онуфрий Оглобля.

– Позови их к нам!

Я боялся посвятить в свой план всю команду – вдруг шведы попытаются маленько вздумают, не всякий язык удержать сумеет. Пока нас не развели по разным камерам, или не заковали в кандалы, или еще что-нибудь такое же мерзопакостное не сделали, я решил действовать. Объяснил Федору и Онуфрию задачу, начал стучать в дверь. Долго ничего не происходило, затем в коридоре послышались шаги, открылось окошечко в двери. Надзиратель что-то спросил на шведском. Я бойко затараторил на русском, показывая рукой в глубь камеры. Сработает ли моя уловка? Окошко закрылось, загромыхали ключи, дверь в камеру приоткрылась, и высунулась рука с масляным светильником. Федор тут же ухватился за руку и резко втащил стражника внутрь. Тот и пикнуть не успел, как Онуфрий тряпкой заткнул его рот. К сожалению, никакого оружия у него при себе не было, лишь связка ключей. Я стащил с него форменную одежду и надел поверх своей. Поскольку стражник был ростом высок, как и все шведы, одежда пришлась впору. Было неприятно натягивать на себя чужую, пахнущую чем-то кислым одежду, но выбора не было. Шведа связали и бросили в угол.

– Кто-нибудь говорит по-местному? – обратился я к команде.

Один из матросов сказал, что немного умеет.

– Выясни у него – где и сколько охраны в тюрьме.

Матрос залопотал по-шведски. Кляп изо рта мы вытаскивать побоялись – швед с перепугу мог закричать. Стражник пальцами показал – двое. Итак, не все плохо. Времени терять было нельзя, если все пойдет как надо, побег обнаружат утром, когда придет смена.

Я вышел в коридор и направился к выходу, за мной тихо крались Федор и Онуфрий, остальные сидели в камере. Подошли к караульному помещению, оно слабо освещалось масляной плошкой, на столе стоял кувшин с вином, двое стражников в расслабленных позах сидели на лавках. Дисциплина явно хромала. Я опустил голову, стараясь, чтобы свет не попал на лицо – может, на мгновение это собьет стражников с толку. Где находится оружие, я не знал, хуже, если под рукой у тюремщиков. Обернувшись, сделал знак Федору и Онуфрию – быть наготове, не спеша открыл дверь, позвякивая связкой ключей на пальце. Один из стражей поднял голову, и, пока он не успел меня разглядеть, я обрушил кулак с зажатыми ключами ему на голову. Ворвавшиеся следом за мной мои сокамерники быстро скрутили второго. Связав им руки и ноги поясными ремнями, заткнули рты их одеждой и, не церемонясь, отволокли в камеру. Моряки с нетерпением ожидали нас. Я приказал не шуметь и тихо идти к выходу. Дверь на всякий случай в нашу бывшую камеру запер. С ключами в руке пошел к выходу, где уже стояли все наши. В караулке мы нашли две алебарды и три короткие сабли, больше похожие на абордажные, невелик арсенал. Но это лучше, чем голые руки. Хорошо, что нас разместили в припортовой тюрьме – охрана слабая, да и до судна добраться недалеко. Было бы хуже, если бы нас заперли в городской тюрьме, – охрана была бы

больше, и попробуй найти дорогу в ночном городе. Мы медленно продвигались среди портовых построек и складов, пытаясь не шуметь и не привлекать внимания. Вот и наше судно, у сходней стоит охранник, и неизвестно, сколько их на шхуне и есть ли они. До стоящего у пирса фрегата метров семьдесят, шуметь нельзя, тревога поднимется мгновенно. Даже если на фрегате часть команды на берегу, оставшихся с лихвой хватит, чтобы порубить нас в капусту. Поскольку я был в чужой форме, решил идти сам. Сунул в рукав нож, Федору сказал незаметно подобраться сбоку от охранника и в нужный момент отвлечь внимание – бросить камень в воду или кашлянуть. Онуфрий должен был идти передо мной. Со стороны это могло выглядеть, как будто я сопровождаю задержанного. Все бы хорошо, но не думаю, что арестованных водят по ночам. Расчет только на некоторую растерянность охранника, хотя бы минутную. Вся оставшаяся часть команды шхуны спряталась в тени портового склада. Ну, пора, Федор уже минут двадцать, как уполз, и должен быть на месте. Мы с Онуфрием вышли из-за пакгауза и, не торопясь, направились к нашей шхуне. Когда до охранника осталось несколько метров, он что-то спросил. Я сделал вид, что закашлялся, но шагал по-прежнему. Охраннику мое молчание явно не понравилось. Он начал шарить по поясу, явно пытаясь вытащить из ножен палаш. В это время очень кстати подал о себе знать Федор – в воду рядом со шхуной свалился какой-то крупный предмет. Охранник инстинктивно обернулся на шум, я рванулся вперед и всадил ему нож прямо в сердце, одновременно зажимая рот рукой. Подскочивший Онуфрий подхватил его за ноги, и мы живо затолкали убитого в щель между бочками, стоявшими на пирсе. Уже вдвоем с присоединившимся Федором, который взял палаш убитого в руку, мы осторожно поднялись на нашу шхуну. Поскольку матросы знали корабль лучше меня, они пошли первыми. Даже в темноте они хорошо ориентировались в закоулках шхуны. Мы быстро обшарили весь корабль – пусто, никого. Я распорядился, чтобы Онуфрий тихонько привел на судно всю команду. Сам прошел в свою каюту – все вещи, оружие, даже деньги были на месте, вероятно, до решения суда. Я осмотрел свои пистолеты, они оказались заряжены, и сунул их за пояс. На палубе послышались шарканье подошв, тихое чертыхание – команда пришла. Распорядившись, чтобы люди зашли в трюм и не высовывались, мы уединились с купцом Григорием, Федором и Онуфрием в небольшой капитанской каюте. Поскольку инициатива побега исходила от меня и пока все шло, как надо, я невольно стал лидером, и команда, даже купец, мне безоговорочно подчинялась. Я решил держать совет – что можно предпринять, чтобы задержать фрегат в порту. Нам надо выиграть хотя бы сутки. Поскольку я человек сугубо сухопутный, мне необходимо было выслушать мнение моряков. Еще сидя в тюрьме, я наметил три варианта, как задержать фрегат. Первый – взорвать крюйт – камеру, где хранится порох для орудий, но для этого надо проникнуть на фрегат, что уже непросто, к тому же у артиллерийских погребов наверняка стоит вооруженная охрана. План отвергли сразу. Вторым вариантом было привязать под водой канатом перо руля к кнехту на пирсе. На мой взгляд, вариант был хорош, но моряки отвергли его сразу – фрегат, как и любое парусное судно, отходит от стенки медленно, инерция судна мала, руль вряд ли сломается – балка очень толстая, к тому же из дуба. Канат просто перерубят, это вызовет задержку всего на несколько минут. Этот вариант тоже отвергли. У меня оставалась последняя надежда – я предложил набрать пороха в бочку, на плаву подвести ее под руль и взорвать. Порох для двух маленьких пушечек был, бочки на причале тоже, дело оставалось за запалом, не так-то просто поджечь запал, будучи в воде. Спичек или зажигалок ведь не было. Вдруг мелькнула мысль – а пистолет?

Ведь его замок при выстреле высекает сноп искр. Если пистолеты разрядить, высыпав из ствола порох, и просто щелкнуть курком, как бы вхолостую, таким путем можно поджечь запал. Все это я изложил своим товарищам по несчастью. После некоторого молчания и раздумья план был признан реальным. Я взялся разряжать пистолеты, решив один оставить себе, второй отдать другому человеку. Федор отказался сразу – плавать не умел. Онуфрий

молча кивнул головой. Купец и Федор ушли за бочкой с порохом. Теперь надо было сделать запалы. На всякий случай надо сделать два – не ровен час, замокнут в воде. Скотал из бумаги трубочки, туго набил их порохом, который высыпал из пистолетных стволов. Получилось что-то вроде китайских шутих. Мы с Онуфрием обговорили, что и кто делает, я ему показал, что надо сделать, если я по каким-либо причинам не смогу поджечь фитиль. Федор с Григорием принесли бочонок с порохом, мы аккуратно проковыряли небольшую дырочку с торца, заткнув ее деревянной пробкой. Запалы замотали в кусочки кожи, положили на голову и натянули шапки – хоть какая-то защита от воды. За пояс сунули по пистолету и обмотались веревками. Федор с Григорием подтащили к борту бочку, мы с Онуфрием по веревочному трапу тихонько опустили в воду, чтобы не было всплеска, и нам на веревке опустили бочку. Вода сразу обожгла холодом, кажется, тепло из тела ушло мгновенно. Мы с Онуфрием, подталкивая бочку с порохом, поплыли к фрегату. Освещение на пирсе было очень слабым, кое-где торчали факелы, да у трапа стояли часовые, рядом с которыми горел огонь. Корма фрегата оставалась в темноте, что нам и нужно. Молча подплыли, кое-как отмотали веревки с поясов и принайтовали бочку к перу руля с кормовой стороны. Бочка была наполовину в воде, если повезет, взрыв может не только оторвать руль, но и повредить обшивку на корме, это было бы сверх программы, тогда шведам будет не до погони, придется спасать свой фрегат. Мы сняли шапки и, стуча зубами от холода, достали запалы, воткнули в отверстие бочки. Когда я делал запалы для самодельных бомбочек при коломенской схватке, горели они около восьми секунд, сейчас запалы были в два раза длиннее, но сколько они будут гореть – неизвестно. Если секунд пятнадцать – двадцать, доплыть до своей шхуны мы не успеем, взрывом нас просто оглушит и выбросит на берег, как рыбу. Я прошептал Онуфрию:

– Как только подожжем фитили, выбираемся на пирс и бегом к шхуне.

Онуфрий не понял:

– А часовые? Панику же поднимут!

– Да и черт с ними, все равно взрыв будет, и паники хватит и без нас.

Мы вытащили пистолеты, взвели курки и, поднеся замки к запалам, спустили курки.

У Онуфрия это получилось удачней, его запал сразу задымил, а мне пришлось щелкнуть курком еще раз. Вот и мой запал задымился, мы как можно быстрее доплыли до пирса и по деревянным перекладинам, как по лестнице, взобрались на пирс. Дружно, как спортсмены на старте, рванули к шхуне, только пятки застучали по доскам. Часовые не сразу поняли, в чем дело, начали кричать по-шведски что-то угрожающее. Мы, не обращая внимания на крики, летели к своему судну. Трап наши уже убрали, команда сидела на веслах, ожидая нашего возвращения. С разбегу, оттолкнувшись от причала, мы прыгнули, зацепившись руками за борта. Нас моментально подхватили чьи-то сильные руки и втянули на палубу. Капитан крикнул:

– Взяли!

Весла правого борта дружно оттолкнулись от причала, мы стали отходить от причальной стенки. Сердце в груди после сумасшедшего бега оглушительно стучало, с одежды текли потоки воды. Никого не надо было подгонять, гребцы работали, как на гонках, с каждым мгновением и взмахом весел удаляя нас от причала. По причалу бежал в нашу сторону часовой, на ходу срывая с плеча мушкет. И в это время раздался взрыв. Под кормой фрегата гулко ухнуло, поднялся столб воды, корабль подбросило, падая, он правым боком кормы ударился о причал. Факелы потухли, и в крошечной темноте было слышно, как вода с ревом врывается в утробу судна. Слышались крики раненых, поднялась паника. Теперь можно не бояться преследования. Правда, во время взрыва нас тоже хорошо потрянуло, положив на левый борт, однако шхуна быстро выпрямилась, купец распорядился поднять паруса. Ветер дул с суши, мы быстро удалялись от негостеприимного берега, радуясь удачному побегу. На причале зажглись факелы, были видны бегающие люди. В нашу сторону из береговой крепости раз-

далось несколько пушечных выстрелов, но нас укрывала темнота. Я пошел в свою каюту, надо было переодеться в сухую одежду. Когда я вышел из каюты, купец открывал на палубе бочонок с вином, рядом стояла вся команда, лишь один рулевой с тоской поглядывал в нашу сторону. Выбили дно бочонка, здоровым ковшом зачерпнули вина, что купец вез в Новгород на продажу, и протянули мне.

– Пей, лекарь, сегодня ты герой и освободитель, славься!

Ко мне поближе из круга команды вытолкнули Федора и Онуфрия.

– Налить им по полной, за освобождение!

Далее ковш с вином обошел всю команду. Люди были возбуждены, радость свободы била им в головы, заставляя терять осторожность. Я подошел к купцу:

– Выдели человек пять из команды, пусть не пьют, впереди полночи хода в шведских водах, если нас поймают, повесят на реях, как врагов.

Купец лишь отмахнулся. Тогда я взял под руки Федора и Онуфрия, отвел их к борту:

– Ребята, не пейте больше, трезвый один рулевой, мы в чужих водах, случится чего – все сгинем!

Мужики переглянулись. И выпить с товарищами им явно хотелось, и меня слушать жизнь заставила, пока все, что я делал, было правильным.

– Хорошо, пить больше не будем, пока в свои воды не войдем.

Остаток ночи прошел относительно спокойно – относительно потому, что почти вся команда напилась, раздавались пьяные песни, шум. Федор с Онуфрием стояли – один на носу, другой на корме, вглядываясь в ночное море. Поскольку купец был тоже пьян, шхуна управлялась только рулевым. Куда мы плыли, я понятия не имел, поскольку не обладал штурманскими навыками. Небо начало сереть, стали видны белые барашки волн, низкие хмурые тучи. Ко мне подбежал Федор:

– На горизонте за кормой паруса, как бы не за нами погоня.

Команда лежала на палубе пьяная в дым. Что делать, я не знаю, где мы находимся, далеко ли до наших берегов, есть ли подводные рифы и отмели, и еще неизвестно, то ли случайный попутчик сзади, то ли погоня.

– Вот что, Федор, бери Онуфрия и будите купца, что хотите делайте, но приведите его в порядок.

Хлопцы убежали исполнять, а я пошел на корму, посмотреть, что за паруса. Паруса действительно были, причем уже не на горизонте, а ближе, можно было разглядеть, что мачты две, но вот что за судно и его принадлежность, понять пока было нельзя. Я вернулся к купцу. Федор с Онуфрием терли купца за уши, били по щекам, тот лишь мычал нечто нечленораздельное и мотал головой.

– Вот что, парни, обвяжите его веревкой и бросайте с корабля, глядишь, в воде быстрее очухается.

Федор с Онуфрием переглянулись, но перечить не стали. Нашли веревку, коих на корабле было множество, обвязали вокруг грудной клетки несколько раз и, стянув с Григория сапоги, бросили его за борт. Мы встали у борта и смотрели, не хватало только, чтобы на наших глазах он захлебнулся. Однако, как старый морской волк, почуяв, что он в воде, Григорий стал молотить по воде руками и вертеть головой, пытаясь понять, где он и что с ним. Поскольку вода была холодной, минут через пять-десять пришел в чувство, стал кричать, чтобы его вытащили, а мерзавцев, что бросили его в воду, он сам утопит. Не обращая внимания на крики и ругательства, я выждал еще минут десять, и когда купец уже посинел от холода и стал клацать зубами, приказал его вытащить. Потоки воды стекали на палубу с дрожащего от холода Григория, я распорядился его переодеть в сухое и привести ко мне на корму. Сам побежал к рулевому, посмотрел на приближающиеся паруса. Что-то больно ходко идет, не похоже на торговца, те медлительны, поскольку всегда нагружены. Так резво

могут ходить только военные суда или разбойники. Ни то ни другое ничего хорошего нам не сулило. Наконец на корме появился Григорий – вид его был ужасен – отечное лицо с разбитыми шведами губами, мутные глаза, изо рта убойный запах перегара. Сразу, с ходу, он начал громко ругаться, крича, что ему испортили празднование освобождения, а теперь у него болит голова. Я решил не церемониться и схватил его голову, повернул к парусам:

– Шведов видишь?

Лицо его вмиг посерело. Шведы – верная смерть на виселице, фрегат-то мы их повредили, а может, и утопили. Взгляд купца стал осмысленным, видно, дошло наконец, что дела нешуточные. Он повернулся к рулевому:

– Каким курсом и сколько времени идем?

Рулевой назвал курс. Купец свесился с борта, я подумал, грешным делом, что после выпивки его тянет на рвоту, но он долго вглядывался в воду, сказав наконец:

– Вода мутная, река близко.

Бросил Федору:

– Поднимай с Онуфрием команду, ноги уносить надо.

Вот, прости господи, артист – сам команду спаивал, а сегодня попробуй их подними. Удалось растолкать трех человек, но проку большого в том не было, покачиваясь, они с бессмысленными взглядами бродили по палубе, держась за окружающие предметы – борт, ванты, мачту. Купец встал на корме и стал отдавать распоряжения, я пошел посмотреть пушки, их было две – одна на носу, другая на корме. Калибр был невелик, от пиратов было бы подспорье, но если нас догоняет военный корабль, делать с этими недомерками нечего. Я проверил – заряжены ли пушки, подтащил поближе банник, ядра, бочонок с порохом. Корабль вдруг резко повернул влево, парус захлопал на ветру.

– Ты что делаешь? – подбежал к Григорию я.

– Здесь недалеко островки есть, туда надо, если судно военное да о двух мачтах, стало быть, осадка большая, поостережется близко подходить, на мель сядет, а мы меж островов покрутимся, глядишь, и сорвемся с крючка.

Ну что ж, купцу виднее, плавал здесь часто, должен знать особенности – отмели, течения, острова. Я с беспокойством обернулся – судно еще более приблизилось и хотя было далеко, уже можно было понять, что оно военное. Теперь решало время – или они нас догонят и потопят, или мы успеем дойти до островов. После нашего поворота преследователи повторили наш маневр, стало быть, это по нашу душу. На шхуне Григория стояли все паруса, ветер был попутный, но все равно мы двигались слишком медленно, чтобы сохранить дистанцию. По моим прикидкам, часа через два-три нас догонят. Вдали, несколько правее курса, показалась земля, все-таки хоть и пьян был Григорий, ошибся самую малость. Я начал с Федором и Онуфрием по очереди будить матросов – мы лили на них забортную холодную воду, выкручивали уши, пытались поставить на ноги. Наши попытки привели к небольшому успеху – еще два зомби бродили по палубе. А ведь когда мы подойдем к островам, придется маневрировать, а то и идти под веслами, нужна команда. Но выбирать не приходилось, мне кажется, Григорий и сам каялся, что напоил на радостях команду. Я видел, какие опасливые взгляды он бросал через плечо, стоя у штурвала. Преследующее судно медленно, но неуклонно приближалось, до него оставалось мили три-четыре. Ветер неожиданно опал, паруса бессильно повисли, до островов было всего ничего, каких-то триста-четыре метра. Купец заметался по корме, ища выход. Преследователь тоже встал, затем медленно повернулся к нам боком. Судно было невелико, о двух мачтах, по борту в один ряд шли орудийные порты, я насчитал их двенадцать, вот они открылись, две пушки выстрелили, корабль окутался дымом. Расстояние было слишком велико, я спокойно стоял у борта и смотрел. Ядра со звучным шлепком упали с недолетом метра в трехстах. Или капитан слишком зол на нас, или решил продемонстрировать силу и решимость. Часа два

мы стояли неподвижно, ветра не было, двигаться под веслами – недостаточно людей, а судно противника – по-моему, это была бригантина, я разбирался в этом слабо, – вообще не было приспособлено к движению под веслами. На бригантине стало видно какое-то шевеление, мы увидели, как спускают две шлюпки, в которые по трапу опускаются вооруженные матросы. Видимо, решили, поскольку судно наше небольшое и торговое, людей на нем мало, вооружения нет – захватить его абордажем со шлюпок. Шлюпки отвалили от бригантины, направились в нашу сторону. На корме бригантины проблескивало стекло, вероятно, капитан осматривал предстоящее поле боя в подзорную трубу. Я подошел к Григорию:

– Кто у вас в команде канонир?

Григорий лишь махнул рукой:

– Пьяные они все, толку не будет.

Подошел к Федору с Онуфрием:

– Ребята кто-нибудь с пушкой обращаться умеет?

– Видели, а сами не пробовали.

Опять придется все делать самому. Взяв с собой обоих, я повел их к носовой пушечке.

– Сейчас я выстрелю, как буду заряжать, смотрите внимательно, один будет у носового орудия, другой у кормового. Ваше дело заряжать, стрелять я буду сам, тут навык нужен.

Оба согласно закивали. Подождав, когда шлюпки подойдут поближе, я прицелился, поднес к затравочному отверстию фитиль. Ба-бах! Пушка окуталась дымом. Недолет! Я медленно, показывая моим сотоварищам, прочистил ствол, насыпал пороха, забил пыж, затолкал ядро.

– Все ли понятно?

Оба согласно закивали. Я поправил прицел, бросил Онуфрию.

– Зажигай!

Снова грянул выстрел. Почти хорошо, ядро упало рядом со шлюпкой, здорово ее качнув. Мы с Федором бросились к кормовой пушке. Навожу, выстрел! Пока Федор начал перезаряжать, я бросился на нос. Онуфрий уже зарядил орудие и ждал меня. Я взглянул на цель. На месте была только одна шлюпка, от второй остались только щепки и плавали крупные обломки, рядом барахтались в воде матросы. После выстрела, окутанный пороховым дымом, я не посмотрел на результат попадания, поскольку побежал на нос. Вторая шлюпка подбирала матросов, медленно кружась на месте гибели первой шлюпки. Это хорошо, в стоячую или медленно движущуюся цель попасть легче. Я старательно навел пушечку, поджег порох в запальном отверстии. Выстрел! Онуфрий бросился заряжать, а я задержался, чтобы посмотреть результат. Ядро ударило в нос шлюпки, оторвав несколько досок. По-моему, им теперь будет не до нас. Точно, шлюпка развернулась и, бросив барахтающихся в воде товарищей, рванула к судну. Ход ее был тяжел, видимо, в шлюпку поступала вода. Не доплыв до бригантины метров сто, она накренилась на нос и медленно перевернулась, рядом были видны матросы, которые плыли к судну. Так, отлично. Мы не потеряли ни одного человека, тогда как противник лишился двух шлюпок и около десятка человек команды. Выглянуло солнце, ярко заблестела вода. Купец схватил в руки астролябию, пытаясь определить наше местоположение.

– Да, далековато еще до родных берегов, – пробормотал он.

На палубе начали шевелиться матросы, видно, грохот пушек все-таки заставил их пробудиться, простояли еще около часа, когда я увидел, что с бригантины спускают еще две шлюпки. Неужели капитан такой дуболом, снова пошлет шлюпки на наш захват? Зря я так подумал о капитане, обе шлюпки встали впереди бригантины, завели буксирные концы и стали грести. Медленно бригантина двинулась в нашу сторону. Чертов швед, я разгадал его замысел. Стоит подтащить бригантину к нам поближе метров на двести, как более мощные орудия шведов спокойно нас расстреляют, пустив ко дну, а мы ничего не сможем противопо-

ставить – мал калибр наших пушечек, дальнобойность не та. Я побежал к Григорию, хотел пояснить опасность ситуации, тот меня оборвал:

– Сам уже понял!

Посоветовавшись с Григорием, решили бить врага его же оружием. Спустили одну из двух имеющихся у нас шлюпок, куда сели те, кто мог грести, взяв судно на буксир, стали тянуть его к островам. Людей на шлюпке набралось всего восемь человек, но и противнику не легче, их судно значительно больше и тяжелее, матросы быстро выдохнутся. Пот тек с нас ручьем, похмелье быстро покидало тяжело работающих матросов. Грести в полную силу на шлюпке, буксируя шхуну, – нелегкая работа. Медленно мы приближались к проливу между двух островов, намереваясь встать именно там, чтобы оставить за собой свободу маневра. Фу, наконец-то дотянули. Я оглянулся назад – бригантина медленно тащилась за нами, сильно отставая. Теперь надо было подождать, с какой стороны острова покажется их судно. Вода у островов была мутная, купец бросил за борт грузило с веревкой, на которой узлами были отмечены сажени. Вытащил, довольно ухмыльнулся:

– Под днищем у нас всего сажень, здесь бригантина уже вряд ли пройдет, скорее всего станет перед островами, станет палить из пушек, наше дело – шлюпкой утащить шхуну в сторону, прикрываясь островом, как щитом.

Вот в проливе показались шлюпки, буксирующие за собой бригантину. С носа судна свесился матрос, промерял глубину, вот он дал отмашку, на шлюпках перестали грести, гребцы в изнеможении побросали весла. Были видны их мокрые от пота голые спины. С бригантины прокричали, шлюпки пошли к корме. Так, сообразил я, сейчас будут разворачивать бригантину боком, чтобы открыть огонь.

– Григорий! Уводить за остров шхуну надо быстрее!

Но тот уже распоряжался. Гребцы, немного отдохнувшие во время остановки, налегли на весла, и мы отошли метров на двести, вплотную прижавшись к острову, килем почти касаясь дна. Громыкнули пушки бригантины, ядра пошлепались довольно далеко от нас. Капитан стрелял вслепую, но кто знает, что он выкинет дальше. Капитан оказался настойчивым, через некоторое время из-за острова показалась шлюпка. Увидев нас, они сразу остановились и стали семафорить на бригантину. Стояли они вне досягаемости наших пушечек. Раздался залп пушек бригантины. Ядра легли далеко, но значительно ближе, чем в первый раз. Так дело не пойдет. Я быстро сбегал в каюту за своим штуцером, бил он раза в полтора-два дальше наших пушечек, зарядил, оперся стволом на борт и стал ждать. Не ожидая подвоха, один из матросов встал в шлюпке в полный рост, тут я его и снял первым же выстрелом. Команда на судне восторженно взревела. Перезарядился, стал выжидать. Вот еще один матрос поднялся, – лежа в шлюпке, ведь семафорить не будешь. Выстрел, еще один упал. В шлюпке притаились. Если первый выстрел можно было считать случайностью, то второй привел их в замешательство. Пушки бригантины громыкнули еще раз. Ядра легли рядом, а одно зацепило борт, аж щепки полетели. Григорий побежал на нос, но гребцы в шлюпке, видя и сами результаты стрельбы с бригантины, налегли на весла, пытаясь увести нас от обстрела. Напоследок, пока шлюпка противника была еще видна, я выстрелил по неосторожно высунувшемуся матросу. Но вот шхуна отошла с прежнего места, чтобы нас обстрелять, теперь уже вряд ли хватило бы дальнобойности, да и шлюпке противника высунуться я бы не дал.

– Григорий, может, шлюпкой протянем шхуну вокруг острова, зайдем к ним с кормы, попробуем обстрелять из пушек, ежели повезет, повредим руль или мачту, иначе они от нас не отцепятся.

– Давай попробуем, сам вижу, что выхода нет, тем более уже все пьяницы на ногах.

Увлеченный стрельбой, я и не обратил внимания, что на палубе больше нет валяющихся пьяных тел. Шлюпка подошла к нашему борту, гребцы поменялись. Нас, прижима-

ясь к острову, потащили вокруг острова. Поскольку островок был невелик, за час-полтора удалось его обогнуть. Мы увидели, что с кормы бригантины стоят обе шлюпки врага, пытаюсь оттянуть ее назад. То ли капитан бригантины почуял опасность, то ли придумал новую пакость. Мы заходили со стороны кормы, где пушек у противника не было. Мушкетного огня я пока не опасался, штуцеры у них вряд ли были, а мушкет хорош для близкого боя. На бригантине явно нас увидели, команда забегала, капитан кричал на шлюпки, пытаюсь развернуть судно бортом к нам, чтобы можно было открыть огонь. Я бросился на нос шхуны и как можно быстрее стал стрелять из штуцера по гребцам в шлюпке, убив несколько матросов, остальные залегли в шлюпки, не высывая носа, хотя капитан с бригантины громогласно кричал проклятия. Я тщательно прицелился по капитану, выстрелил, успел увидеть, как он схватился за руку и его тут же оттащили от борта. Мы сблизились уже на дистанцию огня. Медлить я не стал, вдруг им удастся повернуть корабль, тогда нам крышка. Из двенадцати орудий одного залпа хватит, чтобы пустить нас на дно. Прицелился, выстрелил из пушки. Маленький недолет, но изменить прицел нельзя, и так уже на пределе дальности. Кричу гребцам в шлюпку:

– Подтяните еще чуть-чуть.

Шхуна медленно двинулась вперед, мы с Онуфрием как бешеные перезаряжали пушку, кормовой воспользоваться нельзя, оставалось действовать быстро. Прицелили, выстрел. Ядро, прошелестев, шлепнулась в воду рядом с вражеской шлюпкой, опрокинув ее, опять перезаряжаем, тщательно прицеливаемся. В парус бригантины стрелять бесполезно – ядра наши слишком малы, чтобы проделать серьезную дыру, надо попасть в руль или в мачту. Утопить не сможем, но лишим хода, а нам больше и не надо, дождемся ветра и поминай, как звали. Выстрел, на этот раз удачно, прямо в баллер руля, аж щепки полетели. Снова перезаряжаемся, выстрел. Мимо. Мачта – слишком тонкая цель. Еще раз повторяем, опять мимо, но поскольку ядро уже было на излете, прошло низко над палубой, сметая на своем пути людей и ломая оснастку. Еще раз стреляю и на этот раз удачно, правда, я целил в одну мачту, но переломилась другая, ведь стояли они почти в створе, друг за другом. Мачта сначала накренилась, затем с шумом упала в воду, обрывая ванты. Команда шхуны завопила от радости, а на бригантине раздались яростные вопли. Вот теперь мы тоже их обездвигили на какое-то время, им теперь даже ветер не поможет. Но сбрасывать со счетов бригантину не стоит – одна мачта и парус целы, и пушки наверняка заряжены, стоит нам немного отойти от их кормы в сторону, как нам могут вцепить ядра в борт. Я еще пару раз выстрелил из пушки по палубе бригантины, пытаюсь доставить им побольше повреждений, потом улегся на носу со штуцером. Поскольку невооруженным глазом с такого расстояния можно было отличить по одежде простого матроса от офицера, я решил немного проредить офицерские ряды, утихомирив и загнав команду в трюм. Ишь, разбегались по палубе, пытаюсь под командой офицеров что-то исправить. Выстрелил четыре раза, точно ранив или убив троих, один раз промахнулся. Суeta на палубе стихла. Так-то лучше будет. Я обратился к Григорию:

– Смотри, чтобы нас течением не снесло в сторону, как раз попадем под пушки бригантины. Пусть гребцы в шлюпке не спят. Поднимется ветер – поднимем паруса и отойдем подальше, но точно за кормой бригантины.

Григорий согласился. Вообще с момента захвата нас шведским фрегатом Григорий сник и переложил всю инициативу по нашему вызволению на меня. Конечно, мне было бы проще быть под началом опытного, активного капитана, чем все брать на себя. Я же не морской волк, многих морских дел не знаю и не ориентируюсь, но что получилось, то получилось.

Ближе к вечеру поднялся легкий ветерок, на шлюпке встrepенулись, развернули нас кормой к бригантине, мы взяли шлюпку на буксир и подняли паруса. На прощание я угостил ядром из кормового орудия застывшую бригантину, угодив в кормовую надстройку, аж

щепки полетели. Мы еле-еле плелись под слегка надутым парусом и, лишь отойдя на значительное расстояние от бригантины, подняли шлюпку с гребцами на борт. К ночи ветер окреп, паруса надулись, мачты скрипели от напряжения, вода шипела под форштевнем, ход наш стал замечательно хорош. Мы резво шли к себе домой.

Глава 2

Демидов

Дальнейший путь прошел спокойно, лишь на рубежной заставе служивые поупирались – не было судовых документов и у меня подорожной, все осталось у шведов. Когда мы объяснили десятнику, как попали в такую ситуацию, да подкрепили слова маленькой толикой серебра, нас пропустили.

Ну, здравствуй, Россия!

По Неве, по Волхову дошли до Господина Великого Новгорода. Здесь наши пути с Григорием разошлись, денег он с меня за перевоз не взял, сам поклонился в ноги:

– Кабы не ты, Юрий Григорьевич, быть бы нам в полоне у свеев, да судно с товаром бы отобрали, благодарю от всего сердца. Увидишь где меня али судно мое, знай – всегда найдешь помощь, должник я твой отныне.

Мы обнялись. Федор и Онуфрий снесли мои вещи на причал. Григорий самолично обошел суда у новгородского причала – не возьмет ли кто попутчика до Москвы. Такое суденышко нашлось, и вещи мои скоро перенесли на него. Кораблик был невелик – чисто речная посудина, намного меньше шхуны Григория, каюты там не было. Вещи сложили в трюм, я расположился на палубе под натянутой холстиной. По Мсте, переволоком до Волги – и вот она, Москва. Мы вошли в столицу с севера, меня высадили, и на извозчике я добрался до своего уже такого родного Петроверигского переулка, вот и знакомые ворота. Выгрузив вещи, я ворвался во двор, ко мне навстречу уже шел Иван – один из охранников команды Сидора. Он поклонился, подхватил вещи и сопровождал меня до дома. Распахнулась дверь, из дома выбежала Анастасия, повисла на шее, начала целовать. На шум из дома выскочил Мишенька, тоже бросился меня обнимать. Паренек изрядно подрос, пока меня не было. Радостно обнимаясь, прошли в дом. Забегала челядь, на кухне загремела посуда. Настя убежала на кухню отдать распоряжения, а я пошел во двор, распорядился истопить баньку. Самое милое дело – помыться с дороги, да и в баньке, с душистым квасом. Однако протопится она не скоро, часа через три. В это время можно и перекусить. Подъехал на возке Сидор, бросился обнимать – он объезжал мои предприятия, проверял.

– Все в порядке, хозяин, все работает, можешь не волноваться.

Слава богу, одной тревогой на душе меньше. Потихоньку вокруг меня собирались мои работники, поздравляли с приездом. Поскольку подарков я никому не привез, щедро раздал серебро – пусть каждый себе купит подарок по вкусу. Настенька с крыльца позвала отобеждать, мы с Сидором поднялись в дом, уселись за стол, покушать толком и не дали – расскажи, как съездилось, что видал. Как мог подробнее, я рассказал о Франции, описал короля, его дворец, о лечении наследника. Все слушали, открыв рты, засыпая меня вопросами. О пленении шведами и побеге из тюрьмы я благоразумно умолчал, все-таки пообедать удалось, хотя обед значительно растянулся, к тому времени согрелась банька, позвали мыться. Пошли вдвоем с Сидором, он знатно веничком обхаживает. В баньке было хорошо натоплено, я начал потеть уже в предбаннике. Зашедши в парную, Сидор плеснул на раскаленные камни кваску, зашипело, и нас обдало парком с хлебным духом. Я расположился на полке, Сидор начал потихоньку водить дубовым веничком надо мной, слегка пошлепывая по спине, затем полил водичкой, прошелся банной рукавичкой, веник бил все сильнее и сильнее, пока я не взмолился:

– Хватит, Сидор, шведы не погубили, так ты жизни лишишь!

Сидор окатил меня водой, и мы вышли передохнуть.

– Рассказывай, хозяин, что там у тебя со шведами случилось, я же понял за столом, что ты не все рассказал.

Я знал, что через Сидора ничего лишнего никто не узнает, пересказал ему всю нашу эпопею с пленением, побегом из тюрьмы и боем с преследователями. Сидор внимательно выслушал, одобрил все мои действия:

– Я же говорил, тебе надо воеводой быть, а ты в лекари подался. По этому поводу надо пивка попить, с ледника принесли жбан.

Мы выпили холодного свежего пива и снова пошли париться. Теперь я поохаживал Сидора веником, но он оказался крепче и все приговаривал:

– Поддай жару, бей сильнее.

Наконец мы устали, тела были красными, от щек можно было прикуривать. Снова посидели в предбаннике, остыли, попили пива. Неожиданно я захмелел, видно, сказались дорожная усталость, а дома накатило расслабление. Где бы я ни был, как бы хорошо меня ни встречали, но дома лучше всего – даже воздух другой. В спальне с Анастасией я спокойно полежал, пока она пересказывала все домашние новости, а затем мы занялись камасутрой. Проснулся я уже почти в полдень. Челядь и домашние ходили на цыпочках, разговаривали шепотом. Хорошо дома, только тот, кто уезжал надолго, может это оценить. Перекусил вдвоем с Анастасией, она не сводила с меня восторженно сияющих глаз, все время болтала о мелких домашних делах. После обеда решил посетить на возке с Потапом все мои заведения. На удивление, все шло налаженным чередом, моего вмешательства не требовалось. На следующий день решил с Настенькой и Мишенькой выехать в город, развеяться, посетить торг, прикупить подарки. Долго мы ходили по торгу, я выбрал Настеньке дорогое платье по французской моде, что видел в Париже, Настя сначала отговаривала от дорогой покупки, но по ее глазам и зарумянившимся щекам я видел, что подарок пришелся по вкусу. Мише выбрали у оружейника небольшой нож в богато украшенных ножнах, здесь это не оружие, а приспособление – отрезать ломоть мяса на столе, какие-то другие мелкие надобности. Для серьезных дел ножи в ходу были другие – с толстым обухом, длинным лезвием, серьезной рукояткой, в простых и прочных ножнах. Миша всю обратную дорогу радостно вертел его в руках. Вечером после ужина я занял свой кабинет, надо было поразмышлять, куда пристроить деньги, полученные от французского короля. Сумма в сто золотых ливров была серьезной, и вложить ее требовалось с умом. Никто из домашних мне не мешал, даже Настя не заходила в кабинет. Она знала, что если я сижу в кабинете, трогать и отвлекать меня не надо, я занят серьезным делом. Мысли были – купить готовое или построить свое серьезное производство – вопрос, какое? Мебельное – так здесь делают мебель из деревянного массива сами, с привозной мебелью из Италии или из Франции мне не потягаться; корабельную – так я в кораблях и их строительстве ничего не понимаю, может, попробовать железообработку? Я долго перебирал в уме различные производства, но никак не мог найти верное решение. Пришла идея съездить к Федору, дьяку Разбойного приказа, может, он что посоветует. Собрался, сел в возок и поехал, наслаждаясь теплыми еще осенними деньками. Федор был на месте, стража без вопросов пропустила, меня уже хорошо знали. Дьяк был слегка пьян и весел.

– Заходи, гость дорогой! Давно я тебя не видел, слышал, ты во Францию путешествовал, с королем встречался?

– Было дело, Федя, из-за того и к тебе приехал, вопрос один обдумать надо.

Я вытащил из сумки бутылку водки, поставил на стол. Федор пить не стал, хотя водке обрадовался, положил ее в стол.

– Расскажи для начала, как съездил?

Я вкратце пересказал свою французскую поездку, не забыл упомянуть шведский плен и побег. Федор почмокал губами:

– То, что ушел, то хорошо, иначе и следов не осталось бы, но плохо, что подорожная осталась у них, как бы жалоб от ссеев не было. Так об чем помозговать хотел?

– Хочу я, Федя дело какое серьезное наладить – готовое ли прикупить, свое ли открыть, не присоветуешь ли чего хорошего?

Федор не думал ни секунды:

– Есть хорошее дело – мы сейчас этим занимаемся. В трактире на Моховой по пьяному делу убили заводчика Деревянкина, у него хорошее дело – ткацкая фабрика, осталась вдова с детьми, фабрику продавать, наверное, будет. Посети, поговори – может, что у вас и сладится.

– Федор, я же никогда тканями не занимался, понятия не имею, как это делается, да и сбывать как?

– О-хо-хо, вроде ты и мужик хваткий, да, видно, не во всем. Оставишь старого управляющего на первых порах, сам в дело вникнешь постепенно, а со сбытом – государь новую одежду для войска закупать будет, так ты подсуепись – узнай, какая ткань будет нужна, цвет, а ежель и пошить возьмешься, так совсем хорошо будет.

Я посидел, переваривая услышанное, обмозговывал со всех сторон. А что, пожалуй, стоит попробовать.

– Где живет вдова?

– Если ты на возке, поехали, покажу.

Мы уселись и поехали, ехать было далековато, на другую сторону Москвы. На мощеной улице стояли крепкие дома, видно, что жили небедные люди. На стук в ворота вышел угрюмый дядька, пробурчал, что хозяина нет и не будет.

– Да мы к вдове, поговорить. – Холоп отступил в сторону, и мы прошли в дом. Убитая горем хозяйка усадила нас на лавку, поднесла по ковшу сбитня по обычаю. Разговор начал Федор:

– Злодейство мы в Разбойном приказе расследуем, убийца сыщем, но приехали мы по другому делу – не хочешь ли фабрику ткацкую уважаемому человеку продать, сама-то вряд ли сможешь с нею управиться.

– Сама не знаю, что делать, можно и продать.

Мы съездили, осмотрели фабрику, стояла она довольно далеко от центра, подле от Москвы-реки. Здание было бревенчатым, крепким, довольно длинным, внутри было шумно, рядами стояли ткацкие станки, где вручную женщины ткали ткани. Сопровождал и показывал фабрику управляющий – дородный мужик серьезного вида. На складе я задержался – он был почти полон – лежали ткани льняные, хлопковые и немного шерстяной ткани.

– Как сбываете ткань?

– Да хозяин распорядился – грузить на суда, и приказчики сдавали оптом купцам в городах.

Ага, все-таки какая-то сбытовая сеть есть, уже лучше. В целом фабричка мне понравилась, вокруг здания приличный участок земли, была возможность расширить производство или поставить швейную фабрику. Начали договариваться о цене, она оказалась невелика. Мы решили оформлять сделку. Так я стал владельцем ткацкой фабрики. Сразу договорился с управляющим, что все пока остается по-прежнему, фабрика работает, судами готовые ткани возят на продажу. Сам тем временем окольными путями стал выяснять, какие ткани нужны для войска. Если будет государев заказ, то это выгодно – ткань и красители однотипные, объем большой, сбыт гарантированный. Наконец нашел нужного человека, что за толику малую ознакомил меня с будущими обновами для войска. Решив не откладывать дела, я сообщил управляющему ткацкой фабрикой, чтобы часть производства перевели на выпуск нужной ткани необходимого цвета. Одновременно на территории фабрики, наняв плотников и привезя лес, начал строить новое большое здание для пошива одежды. Загвоздка стала в пуговицах, не мудрствуя лукаво и вспомнив историю, решил сделать еще одно небольшое

здание, где бы лили из олова пуговицы. Имея формы, из такого металла, как олово, можно было в день изготовить сотни, если не тысячи одинаковых пуговиц, что и надо было для войска. Теперь оставалось самое сложное – добиться, чтобы заказ дали именно мне. Предварительно пересчитал, сколько ткани и мундиров из нее может изготовить моя фабрика. Получалось не очень много – порядка двадцати готовых мундиров в день. Я не знал только одного – на сколько человек надо было шить. Ну что же, и это узнать можно. По всей видимости, государь по образцу Европы, глядя на служивых людей других стран, решил и свое войско приодеть. В одинаковых кафтанах, шапках и штанах были одеты лишь стрельцы да охрана Кремля – гвардия, можно сказать. В бою войско было одето почти одинаково – кольчуга, шлемы, штаны и сапоги, и все прикрывалось щитом, а вот в мирной жизни княжеские дружины и стрельцы были одеты разномастно. Долго, несколько недель, я подбирался к нужному мне человеку, боярину Морозову, опять же Федор из Разбойного приказа помог, свел. Я привез образец красной ткани и показал один специально сшитый кафтан. Все у меня забрали, решив сообщить свое мнение позже. Через месяц я получил большой заказ и с ним в перспективе большие деньги.

По Москве уже с месяц ходили разговоры, что с юга к городу с двадцатитысячным войском подошел гетман Сагайдачный, который встал лагерем в полутора десятках верст от Москвы. На помощь ему в сентябре подошел королевич Владислав, который со своим войском с ходу занял Тушино. С каждым днем обстановка в столице становилась все напряженнее. Тревожные ожидания носились в воздухе, вселяя в души смятение. Я долго раздумывал, отправить или нет свою семью в Рязань. Кто его знает, как повернутся события в Москве, – войско слабо, казна пуста, договорятся ли патриарх или государь с королевичем и гетманом. На всякий случай я распорядился сделать в доме солидные запасы продовольствия – соли, муки, копченого и вяленого мяса, сала и другого. Сам я занялся укреплением дома – поскольку забор был и ранее заменен, поставил на участке две бревенчатые вышки. Обшил железом изнутри входные двери. На нижние окна кузнец отковал красивые и прочные решетки. Сидор прикупил на торгу пару бочонков пороха, свинца, несколько мушкетов для челяди. Я все не мог решить – отправить Настю с Мишей и женщинами в Рязань или оставить в Москве. В Рязани вроде по разговорам спокойнее, но путь на корабле может оказаться опасным, оставаться в Москве – вдруг казаки и поляки прорвутся в город? Наверняка будут грабежи и резня. Князья, дворяне, богатые купцы потихоньку вывозили свои семьи, в основном в сторону Муром, Владимира, Костромы. По моему распоряжению Сидор отобрал в свою команду еще десять человек, все бывшие воины из различных княжеских дружин, ушедшие кто по ранениям, кто по возрасту. Лишними ребята не будут – отпадет потребность в обороне дома, будут заниматься охраной ткацкой фабрики, водочного завода. Теперь каждый день дом охраняли четыре человека, не считая Сидора и Ивана. Двое были на вышках, один у парадных, один у задних ворот. Все хорошо вооружены – сабли, мушкеты, на всех надеты кольчуги. Бывшие воины службу знали, всегда трезвые и настоящие. Напряжение росло. На торгу скупались в первую очередь продукты, цены росли. Мне казалось, что даже в воздухе висело какое-то предчувствие тревоги, грозы. И вот вечером первого октября по городу пронесся колокольный звон, на улице зашумели. Ко мне прибежал один из караульщиков:

– По улице люди бегут, в основном бегут к центру, с южной стороны города. Никак поляки на приступ пошли, приготовиться надо.

Я вооружил челядь, Сидор расставил их по заранее намеченным местам, усилив тем самым уже имеющуюся охрану. Мои ружья и пистолеты были заряжены. Семье и обслуге я приказал подняться на второй этаж дома, к окнам не подходить, света не зажигать. Сидор и я заняли места на первом этаже, в случае угрозы нападения мы могли быстро подобраться к любой точке, а в случае прорыва на нашу территорию собрать всю охрану и челядь в доме и

держат оборону. Дом каменный, поджечь его будет непросто. Шум на улице вроде как стих, проскакало несколько всадников, и наступила тишина. Переулок мой хоть и недалеко от центра, но к северной стороне, да и расположен так, что найти не всегда с первого раза можно. Со стороны Кремля продолжал раздаваться набат – это бил колокол на колокольне Ивана Великого. Видно, и в самом деле противник пошел на приступ. Кое-где стали видны отсветы пожаров. Я решил послать Ивана на разведку – сидеть в неведении было тяжело. Вооружившись саблей, ножом и парой пистолетов, Иван легко перемахнул через забор и исчез в ночи. Какие-то новости он принесет? Вокруг дома и в переулке пока было спокойно. В середине ночи в начале переулки раздался шум, крики, звон железа. По переулку текла темная масса, кто это, разобрать было невозможно. Вот в ворота начали сначала стучать, затем ломиться. Выломав калитку, во двор ворвалась группа вооруженных людей. В темноте было неясно – поляки ли это, казаки Сагайдачного или просто грабители. В отсветах факелов, которые они держали в руках, поблескивало оружие. Ну что же, добро пожаловать, непрошенные гости. Толпа по дорожке ринулась к дому, вдруг земля под ними разверзлась, и первые две нестройные шеренги провалились в яму с кольями, послышались крики боли, стоны раненых. Неплохо потрудились мои холопы под руководством Сидора, вырыв глубокую – метра три-четыре яму и установив в ней заостренные колья. Сверху уложили тонкие палки, замаскировали серой тканью, присыпали пылью. Даже с близкого расстояния можно было различить, только если зная заранее. Всем домашним я показал ловушку и настоятельно рекомендовал пользоваться только задними воротами. Толпа нападавших замерла в смятении, затем раздался крик ярости и гнева, люди ринулись в обход ямы. Слева и справа они обтекали яму, и никто не попытался помочь свалившимся. Раздался сильный взрыв, взметнулось пламя. Это сработала моя ловушка, я по чеченскому образцу устроил сюрприз, сделав две самодельные бомбочки, привязал их к деревьям, между ними на небольшой высоте натянул проволоку, сделав растяжку, вот она и сработала. Группа пытавшихся обойти яму почти вся была уничтожена, в темноте были видны лишь небольшие движения и слышны стоны раненых. Мы не стали ждать, когда нападавшие прорвутся к дому, и из трех мушкетов, заряженных картечью, дружным залпом ударили в темную массу. Все заволочло пороховым дымом, из темноты раздавались крики боли и отчаянья, перезарядив мушкеты, схватили уже заряженные и снова нестройным залпом выстрелили в темноту. Пока мушкеты перезаряжали, мы вслушивались, не происходит ли чего подозрительного вокруг дома. Стояла тишина. Взяв в руки по пистолету, мы с Сидором вышли из дома. Везде валялись трупы убитых и слышалось хриплое дыхание раненых. По моему распоряжению из дома вышли холопы с факелами, стало хоть видно, напали на дом поляки, все в синей униформе, все при саблях, у некоторых мушкеты. Хотели по-быстрому ограбить дом, да не получилось. Посчитали – убитых оказалось двадцать два человека в трех местах – на дне ямы с кольями, у растяжки с бомбами и на месте мушкетного залпа. Раненых было немного – семь человек. Холопы без всякой жалости их дорезали, побросав тела в яму с кольями – все равно потом землей засыпать. В углу участка послышались шорох и голос Ивана:

– Не стреляйте, это я, Иван.

Оказалось, он добрался до центра города, поговорил со стражниками, обежал прилегающие к нашему переулку улицы. Поляки с казаками прорвались до стен Белого города, штурмовали Арбатские ворота, но неудачно, понесли большие потери, разбежались по городу, грабя и убивая. Основная масса их ринулась на юг Москвы, видимо, старались добраться до рек – все-таки естественные преграды оборонять легче. Небо начало сереть. Я позвал плотников – надо было восстановить разбитую калитку. Остальные холопы засыпали землей яму с поляками, в которой до половины валялись трупы. Сам тем временем прошелся по участку, снял одну растяжку и выкопал одну из заложенных бомб. Не дай бог, кто из челяди нечаянно наступит – смерти своих работников я не хотел. Лучше ближе к вечеру закопать

это снова. Сидор снова направил в разведку одного из охранников, нам надо было знать, что происходит в городе, к чему готовиться – к бегству, к обороне? Пока разведчик не вернулся, мы решили перекусить и вздремнуть, ночь-то прошла беспокойная, и неизвестно, как оно все будет далее, лучше быть отдохнувшими. Удалось поспать часа три, вернулся разведчик, и меня разбудили. Это был один из хлопцев Ивана – он обрадовал нас новостью:

– Супротивник разбит, наши гнали его аж до Пахры, многих поубивали, многих в полон взяли. У Арбатских ворот мертвыми все завалено, земли не видно. В городе много домов пограблено, кое-где дома сожгли. Жители на улицу нос не показывают, одни собаки бегают.

Так, известия обнадеживающие. Пока все спокойно, решили сварить обед, всех покормить горяченьким, на улицу пока не соваться, – как всегда, при всякой заварушке из всех щелей всякая мерзость выползает – доморощенные разбойники и бандиты. Городской страже и стрельцам пока не до разбойников – вылавливали небольшие группы поляков и казаков, попрытавшихся в захваченных домах. То здесь, то там раздавались одиночные выстрелы – выражаясь современным языком, шла «зачистка». Попадать под горячую руку стрельцам не стоило, стрельнут с перепугу или обознавшись, и кому что докажешь? К вечеру я предупредил холопов и семью не ходить по участку, совместно с охранником поставил еще две растяжки с бомбами – одну у ворот, другую ближе к дому, снова закопали на дорожке мину. Оружие было заряжено, часть охранников легла отдыхать, другая бодрствовала. Сидор расставил людей на опасных направлениях с наказом – слушать! И при подозрительном шуме сразу сообщить, при этом пробираться к дому осторожно. Сгустилась темнота. Мы сидели в неосвещенных комнатах, пытаясь что-либо разглядеть через окна. Однако ночь прошла спокойно. Поутру заявили городские стражники – узнать, нет ли пленных и велики ли наши потери – соседи сообщили, что вчерашней ночью на участке нашего дома были стрельба и взрывы. Мы рассказали, как все было, показали засыпанную яму с телами, стражники удовлетворились нашими объяснениями и со своей стороны сообщили, что в городе уже все спокойно, поляки и казаки убиты и рассеяны, банды разбойников частично схвачены, остальные разбежались. По городу можно передвигаться спокойно. Напряжение схлынуло, я поснимал растяжки и вкопанную бомбу, холопы занялись ежедневной работой. Мы же с Сидором сели в возок, правда, предварительно вооружившись на всякий случай, и поехали проверить – как мои предприятия. Особенно меня беспокоил водочный заводик, все-таки спирт, вещество пожароопасное, да и для мужиков любой национальности привлекательное, хоть для поляков, хоть для разбойников. К моему удивлению, водочный заводик был целехонек и охрана на месте. Не иначе – бог миловал. Направились на ткацкую фабрику – здесь дела были похуже – один из охранников позавтракавшей ночью был нападавшими казаками Сагайдачного убит, второму удалось убежать. Ткацкие станки и помещения были в неприкосновенности, но склад был почти пуст. Что-то утащили казаки, чем-то, вероятно, поживились жители близлежащих домов. Но и то хорошо, что здание не сожгли да станки целые. Управляющий неприкаянно бродил по пустому цеху – работницы пока боялись выходить на работу. Ладно, что свершилось, то свершилось, убыток, конечно, есть, но я был готов и к худшему. По приезде домой Сидор распорядился направить на ткацкую фабрику двоих охранников. Мои помощники по медицинскому делу трудились не покладая рук, – после нападения было много раненых и покалеченных. По некоторым улицам захватчики прошли, как ураганом, сжигая дома и грабя жителей. Сопротивляющихся убивали на месте, да и кто мог им оказать серьезное сопротивление – только в богатых усадьбах, где было много мужиков, да сам хозяин уделял время, внимание и деньги на охрану. Некоторые улицы вообще стояли нетронутые, особенно на северной половине города. Почти каждый день встречались похоронные процессии, хоронили защитников и горожан, трупы захватчиков же сваливали во рвы, закапывали где попало – на пустырях, в выгребных ямах. Город потихоньку приходил в себя, очищался. На месте пожарищ стучали топоры плотников, народ

заново отстраивался – осень на дворе, впереди зима, и всем хотелось встретить ее под крышей.

Прошедшее нападение выявило недостатки не только в обороне города, но и в защите моего дома. Забор был неплох, но низок, хорошо, что поляки ринулись через ворота и попали в охотничью яму, а будь это казаки, могли бы лезть через забор в разных местах, и остановить их было бы сложнее. Поэтому я решил поставить железный, кованый забор высотой в четыре метра, сломать его или перелезть было бы затруднительно. Конечно, так в Москве в те времена было не принято, заборы стояли глухие – или бревенчатые, или каменные. Двор будет как на ладони, для обороны плохо, но и нападавших будет видно хорошо. Я заказал кузнецу по своим эскизам рисунок металлических кованых решеток, тем временем каменщики делали фундамент и ставили каменные столбы. Хотелось, чтобы это было и прочно, и красиво. Сразу за будущим забором решил посадить акацию, терновник – еще один колючий, но зеленый забор. Заднюю часть двора обнести высоким каменным забором взамен деревянного. На углах крыши дома по моему указанию каменщики надстроили четыре небольшие башенки с узкими бойницами, из которых можно было держать под прицелом большую часть двора. Конечно, все это можно было сделать и раньше, но кто мог подумать, что враг может прорваться сюда, в центр Москвы? Дом мой крепостью все-таки не стал, но малые перестройки пошли на пользу в плане защищенности. Теперь я знал, что нападения двух-трех десятков человек дом с охраной выдержит. На душе стало несколько спокойнее. В принципе не помешало бы парочку небольших пушечек, да где их здесь взять, разве что в Тулу съездить. Пока хлопотал с защитой дома, теплые дни закончились, началось ненастье, почти каждый день лил дождь, по утрам в низинах стлались туманы, на улице было зябко. Хорошо в это время сидеть в теплом доме, в кругу домочадцев. Но, видно, не судьба. В один из слякотных вечеров в кабинет вошел охранник и сказал, что у ворот стоит возок, весь в грязи, в нем купец, просит его принять. Можно ли впустить?

– Зови!

Через несколько минут в дом вошел, отряхиваясь от дождевых капель, дородный купец в шерстяном плаще с меховой поддевкой, в добротных сапогах, низко поклонился, осведомился – правильно он попал к лекарю Кожину? Я подтвердил, что он попал по адресу, слуги приняли шапку и плащ, и мы прошли в трапезную. По моему знаку принесли горячего чая, баранки, немудреную закуску и водки. На Руси серьезный разговор никогда не начинался сразу, требовалось поговорить на темы здоровья родни, о погоде, о видах на урожай и только потом переходили к главному. Купец представился – Алтуфий Демидов, купец первой гильдии из Нижнего. Мы уселись в кресла вокруг стола, в камине уютно трещали дрова, пространство тепло. Мы выпили водки за знакомство, я видел, что гость замерз и стопочка не повредит. Купец выпил, крякнул, закусил солеными огурцами и одобрил:

– Хорошо хлебное вино, это где же в Москве такое творят?

Я скромничать не стал, пояснил, что это водка с моего заводика.

– Хороша!

Разлили по второй, купец с видимым удовольствием выпил, закусил и начал пить чай. Лицо его после водки и горячего чая покраснело, он перестал зябко потирать руки. Видно, начал согреваться. Дав ему время попить чаю и обвыкнуться, я спросил, что привело уважаемого гостя ко мне в столь поздний час. Купец посерьезнел:

– Старший сын у меня серьезно занедужил, Никита, седмицы две тому шел на корабле с товаром, да разбойники напали, от супротивника обереглись, да из ружья в ногу пулей попали. Местные лекари лечили, да без толку, видно, опухла нога, жар его снедает, в беспмятство впадать стал, как бы богу душу не отдал. Жалко сына, толковый он у меня, не как младший – тому бы только с девками гулять. Сильно беспокоюсь я за него, молодой еще – двадцать две весны всего, женил недавно, да, вишь, какая незадача. Я как увидел, что с

ногой, – кинулся по лекарям, все говорят – антонов огонь, помрет парень, да хорошо, купец знакомый из Москвы у меня в гостях случился – о тебе рассказал. Помоги, век бога за тебя все мое семейство молить будет, да и сам деньгами не обижу.

Купец выжидающе глянул на меня, в глазах его застыли тревога и боль за родного человека. Судя по описанию, случай и в самом деле серьезный.

– А как же мы добираться будем – на возке долго, сам по дорогам ехал – видел, что дождь натворил?

– Да так же, как и сюда, – повозка не моя, знакомый купец помог, мы на ней только до Клязьмы, там у меня большая лодка, на ней быстрее будет до Нижнего добраться, чем по Оке, чуть не вдвое короче. Только, если согласен, не медли, доставить тебя быстро – моя задача, вылечи только!

Ну что же, надо помочь, не всякий из Нижнего осенней распутицей поедет, даже из-за сына. Я поднялся наверх, объяснил Насте, что уезжаю в Нижний Новгород к больному, собрал сумку с инструментами, сунул туда две бутылки водки, оделся потеплее, за пояс воткнул, прикрыв плащом, два пистолета, поцеловал жену и Мишеньку и вышел. В трапезной уже стоял одетый по-дорожному Сидор:

– Мне с тобой ехать али здесь оставаться?

Я вопросительно поглядел на купца. Он отрицательно покачал головой:

– Места нет ни в повозке, ни в лодке, а дорога тяжелая. Люди у меня надежные, и туда, и назад доставят в целости, не беспокойся.

Я отдал Сидору последние указания, и мы вышли. Пока купец был у меня, лошади успели отдохнуть, к тому же сметливый Иван распорядился их покормить. Мы уселись в тесный возок и тронулись. Возок хоть и был крытый, кое-где протекал и от холода не спасал вовсе. Часа через два я почувствовал, что замерзаю, достал из сумки водки, отхлебнул сам и дал глотнуть попутчику. Купец хорошо приложился к бутылке, довольно покряхтел:

– А хороша у тебя водка, ежели все с сыном наладится, то я дело с тобой начну. Мои корабли в Москву часто ходят, товар возят, обратно и водку будут брать.

Полбутылки он точно выпил, и без закуски, правда, и досталось ему больше, чем мне. Я из теплого дома вышел, сухой и сытый, а он не отдохнул и получаса, не обсох, когда выходил из дома, я обратил внимание, что за Алтуфием тянутся мокрые следы. После выпитого несколько потеплело, возок трясло и раскачивало, пара лошадей месили ногами грязь. Еще часа через два мы остановились. Купец выглянул наружу:

– Приехали, выходи, лекарь.

На берегу реки, у одинокой избушки, стояла лодка с небольшой мачтой, людей видно не было. Стоило нам выйти, как на голос купца из домишки высыпала дюжина здоровых мужиков, все дружно поклонились купцу, один подхватил мою сумку, и все устремились к лодке. Было темно, только луна, периодически выглядывая из-за туч, скудно освещала местность. Гребцы скоро расселись, разобрав весла, купец уселся на корме за рулевого, мне дали место на носу. Лодка отошла от берега, и гребцы мощными гребками погнали ее вниз по реке. Клязьма здесь была довольно широкой, лодка споро шла прямо посередине. Как купец в темноте угадывал повороты, ухитряясь задавать гребцам темп, для меня осталось загадкой. Должен сказать, что ни до, ни после я не видел, чтобы лодку гнали с такой скоростью. Спины гребцов мощно сгибались и разгибались, даже под одеждой можно было угадать бугры мышц, от разогретых спин поднимался легкий парок. Незаметно я задремал, очнувшись, лишь когда что-то в ходе лодки изменилось. Оказывается, подул попутный ветер и подняли парус, гребцы, сложив весла на борта, отдыхали, утирая пот. Рассвело. Один из гребцов, видимо старший, вытащил сумку и передал всем по куску хлеба с салом. Все подкрепились, а я еще и отхлебнул водки из бутылки. Мужикам было жарко от работы, а мне было зябко в неподвижности. Места, чтобы размять руки и ноги, просто не было. Я и так

был удивлен, когда увидел, сколько гребцов на лодке, под веслами мы шли, как под парусами с хорошим попутным ветром. Передохнув, мужики снова взялись за весла, правда, пока шли под парусом, сильно не напрягались. Мы без остановок шли уже десять часов. По берегам слева и справа мелькали маленькие деревушки, купец иногда что-то говорил старшему гребцу и поглядывал на часы. Наконец остановились у маленького деревенского причала, где болтались еще пара лодок. Все дружно сошли на берег, купец подвел меня к костерку, где дымился котел с уже готовым кулешом, вкусно пахло горячим варевом. Нам налили по полной миске, и мы уселись на лежащее рядом бревно покушать. Гребцы ушли в деревню, откуда вскоре вышла другая группа. Когда мы доели, свежие гребцы уселись в лодку, и гонка продолжилась. Я мысленно подивился хватке и организованности купца. Так четко все организовал – горячий обед, гребцов, как будто имел сотовый телефон. Для средневековой Руси такая четкость и организованность были в диковину, мне у него было не грех и поучиться. После горячего обеда разморило. Я закутался потеплее и задремал. Оказалось, начало смеркаться, мы вышли на берег рядом с деревенькой. Снова ужин у костра, смена гребцов, и мы погнались. Купец все время сидел на руле, железный он, что ли? Я из дома вышел отдохнувший, в лодке уже вздремнул, а он все время бодрствует, да еще и работает. Таким образом, меняя гребцов и успевая только покушать и сбегать в кусты по нужде, мы за двое суток добрались до Нижнего. По-моему, для водного пути это был рекорд. На городской пристани нас уже ждал экипаж, не успели мы расположиться, как кучер погнал с места в карьер. Через полчаса мы уже были у дома купца. Территория усадьбы была невелика, так как находилась недалеко от центра, но сам дом был огромен – из камня, в два этажа, с колоннами у парадного входа. Не мешкая, мы прошли в одну из комнат. В просторной, устеленной персидскими коврами комнате лежал на широкой кровати молодой человек. В комнате стоял густой запах гноя. Похоже, дела были не блестящие. Я поздоровался, в комнате были несколько домочадцев, и попросил всех, кроме Алтуфия, выйти. Откинув одеяло, увидел распухшую, фиолетово-багровую ногу. Из раны чуть выше голеностопного сустава левой ноги сочилась сукровица с гноем. Икра была распухшей, при надавливании на нее из раны потек желто-зеленый гной. В лучшем случае – флегмона, при абсцессе был бы ограниченный очаг, здесь же четких границ гнояника не определялось, а гной был. На ощупь парень был горячим, сознание спутанное. Я повернулся к Алтуфию:

– Надо резать, выпускать гной, смотреть, что натворила пуля – не задета ли кость, причем тянуть нельзя, все надо было сделать раньше, после ранения. Если во время операции увижу, что сделать ничего нельзя и начала гнить кость, попробую часть кости убрать, а если и это не поможет, не исключено, что придется ампутировать ногу, иначе сын твой может умереть. Мужик ты сильный, поэтому рассказал тебе, как есть. Согласен ли ты, если какой исход будет? Я не господь бог. Решай, но недолго, надо оперировать срочно!

Я замолчал. Купец походил по комнате, бросая на сына короткие взгляды, повернулся ко мне:

– А если я больше заплачу, сохранишь ли ему ногу?

– Мил-человек, да сейчас пока речь идет не о деньгах, я веду речь – будет он жив или нет, отрезать ногу или нет, будет видно во время операции, а может, придется делать и не одну операцию!

Купец сокрушенно покачал головой:

– Ладно, про тебя говорили – чудеса делать можешь, ты больше меня в своем ремесле понимаешь, полагаюсь на тебя и жизнь и здоровье сына вручаю твоим заботам.

– Хорошо, готовьте горячую воду, высокий стол – вроде того, на котором обедаешь, и помощника.

Купец окликнул домашних:

– Готовьте стол, поднимите его на стол, и чтобы была горячая вода.

В комнату холопы живо притащили тяжелый дубовый стол, застелили его простыней и перенесли на него постанывающего Никиту. Я дал ему выпить настойку опия, а сам стал раскладывать и готовить инструменты, мыть руки:

- А кто будет помогать?
 - Да я и буду, – ответил купец.
 - А плохо тебе не будет, сын ведь?
 - Хуже видали, – коротко ответил он.
- Серьезный, крепкий мужик.

Обработал ногу спиртом, протер спиртом руки, Никита уже лежал в отключке, да и много ли ему в его состоянии надо было? Сделал широкий разрез, длиною почти во всю икру, оттуда хлынул желто-зеленый гной, подставили тазик, и сделал еще несколько параллельных глубоких разрезов. Крови почти не было, только обильно тек гной. Один диагноз подтвердился – флегмона. Промыв раны разведенным спиртом, добрался до пулевого ранения. Пулю еще до меня ухитрились вытащить местные лекари. Кость была задета, на нижней трети малоберцовой кости еле держался отколотый пулей фрагмент кости, из-под которого также вытекал гной. Костный обломок удалил, все активно промыл и все операционные раны засыпал сушеным мхом. За неимением антибиотиков и это средство хорошо. Раны зашивать не стал, гной должен находить выход наружу. Вымыли руки, парня холопы перенесли на кровать, убрали стол и тазик с гноем. Я вымыл инструменты, обтер спиртом. Купец с нетерпением смотрел на меня.

– Ну что скажешь?

– Пока ничего, будем смотреть, наблюдать. Поставь еще одну кровать в его комнате, я буду жить здесь, рядом с ним, хотя бы первые дни.

Алтуфий молча кивнул, отдал распоряжения холопам, а меня пригласил в трапезную.

Дело было сделано, можно было и покушать. Стол уже был готов, горячие блюда уже дымились. Я вытащил свою последнюю бутылку водки, купец, как хозяин, разлил. Молча чокнулись и выпили. Ели почти в полной тишине, видно, купец переживал за здоровье сына, однако на его аппетите это никак не сказалось. Затем пошли в баню, после дороги и работы это было в самый раз. Конечно, хорошо бы сделать наоборот – сначала баню, потом поесть, потом работу, но дело не могло в данном случае ждать. После бани посидели, разморенные, в предбаннике, попили квасу. Когда вошли в дом, ко мне подошла жена купца, и я сразу обратил внимание, что она тоже нездорова, глаза навывкате, на шее – увеличенная щитовидная железа, худовата.

– Как мой Никитушка?

– Постараюсь сделать все, что могу, но пока ничего определенного не скажу.

Мне не хотелось обнадеживать, по-видимому, хороших и работающих людей. Я поднялся в комнату Никиты, он уже отошел от действия опия. Дыхание было шумным, лицо потное и бледное. Проверив пульс, я осмотрел рану. Эх, антибиотиков да антисептиков сюда бы!

Пока пациент не требовал моего вмешательства, решил лечь отдохнуть. Ночь будет беспокойная. К ночи и в самом деле температура поднялась, но отека на ноге не было, гнойное отделяемое было в небольшом объеме.

Я делал укусные обтирания и менял повязки. В коридоре у дверей постоянно дежурил холоп, подносявший по моей просьбе то уксус, то горячую воду, то убиривший грязные перевязочные материалы. В трудах прошло три дня, рана стала очищаться, появились грануляции – первые признаки выздоровления, спала температура, парень впервые попросил поесть. Кормила его по моему разрешению молодая жена – красивая полнотелая девица – про таких на Руси говорят «кровь с молоком».

Мы немного поговорили, в основном я и Ефросинья – так звали жену Никиты, сам Никита был еще слаб.

Дня через два температура вдруг вечером подскочила, и мне пришлось делать один глубокий разрез, выпуская гной из мышечного кармана. После этого пациент уже твердо пошел на поправку, и я несколько успокоился. Никите становилось легче и легче, ел он уже сам, сидя в кровати, жена его не сводила с него глаз. Я подошел к Алтуфию:

– Раз уж я здесь, давай посмотрю твою жену, у нее болезнь, которую я постараюсь вылечить.

Купец покачал головой:

– Я уж ее к разным лекарям возил, никто помочь не мог. Как замуж брал – такая красавица была, все в руках горело – рукодельница, одним словом. А сейчас ослабла, сердце болит, бьется, как воробышек. Если поможешь – век не забуду. С сыном-то вроде налаживается?

– Да, с сыном все будет хорошо, я думаю, через неделю я буду не нужен.

– А с женой правда можешь помочь?

– Давай для начала я ее посмотрю.

Мы с купцом прошли в комнату Марии, жены купца. Она лежала на кровати, высоко подняв голову на куче подушек. Поздоровавшись, я присел на кровать.

– Вот, лекарь тебя осмотреть хочет, вроде берется вылечить, – сказал купец.

– Спасибо тебе, лекарь, за сына, в церкви за тебя молиться буду, а если еще и меня на ноги поставишь – вся семья до конца века в долгу у тебя будет.

Я начал осматривать Марию, расспрашивал ее о симптомах. Да, похоже на зоб, я даже прощупал узел в правой доле.

– Резать надо, матушка!

– А без этого никак нельзя, травки, может, какие попить?

Вмешался купец, до этого молча наблюдавший за осмотром.

– Мария, ты уже и травки пила, и порошки, что лекари давали. Юрий дело предлагает, ты видишь, что он сына спас, может, и тебе поможет, не отказывайся. Мы за помощью сколько уже ездили, да только толку нет. Человек сам твою болячку увидел, неужто счастливый случай упускать будем?

Мария лишь кивнула в ответ:

– Все правда, да боязно только.

Мы обговорили, что завтра и будем делать операцию. Использовали тот же стол, женщину уложили, но помогала одна из холопок, купец был занят. Я успешно нашел и удалил два узла – один большой, один поменьше и ушил рану. Пациентку переложили на кровать. Спал я теперь в отдельной комнате, питался с семьей вместе за одним столом. Времени на осмотр больных уходило теперь не так много. Никита поправлялся, каждый день были сдвиги в лучшую сторону. Он уже ходил по комнате, правда, нога была в повязке, но гной не сочился, температуры не было. С Марией тоже все шло на поправку, послеоперационная рана затянулась первичным натяжением, рубец ровный, хоть и красный пока. Она стыдливо укрывала его шалью. Буквально на пятый день прекратились сердцебиения, начала исчезать слабость, щечки начали розоветь. К концу недели стало заметно, что больная чуть-чуть поправилась, а через две недели, как раз к моему отъезду, уже было заметно, что Мария набирает вес. После осмотра обоих пациентов я подошел к Алтуфию.

– Все, я сделал, что смог, – и сын, и жена твои здоровы, я свои обещания сдержал.

– Спасибо, лекарь! Завтра в честь выздоровления дорогих моему сердцу людей будет пир, а потом и в дорожку можно будет собираться.

На следующий день вся дворня бегала, как заведенная, в большом зале расставляли посуду, на заднем дворе холопы разделявали туши, из кухни доносились такие запахи, что только слюни успевай сглатывать. Около трех часов дня ко мне зашел холоп, пригласил в

зал. Я огладил руками свое повседневное платье, парадного-то я не взял, и пошел за холопом. Войдя в распахнутые двери, чуть не остолбенел. В красивом зале, устеленном большим дорогим ковром, стояли два ряда длинных столов, обильно заставленных различными яствами – было все, о чем только можно мечтать, – начиная от красной рыбы и красной и черной икры в ведерках до апельсинов. В мое время, конечно, апельсины лежали на любом рынке, но здесь... Постарался купец! Вокруг столов стояло множество людей, человек двести, не меньше. Одеты были празднично и ярко, на женщинах золота, как в небольшом ювелирном магазине. Ко мне подошел Алтуфий, пожал руку и громогласно объявил:

– Юрий Кожин, лекарь, каких свет не видел, спаситель моего сына и жены. Сегодня пир, друзья, в его честь и во славу, а также за избавление жены и чада моего от хвори.

Ко мне стали подходить солидные купцы с женами, Алтуфий их лично мне представлял. Сначала я пытался запомнить, но потом в голове все имена перемешались. Когда представление закончилось, всех пригласили к столу. Посередине короткого стола, что стоял поперек зала, образуя перемышку двух длинных рядов столов, усадили меня, уселся Алтуфий с женой Марией и Никита с молодой супругой. Первую чарку выпили за выздоровление Никиты, вторую – за выздоровление Марии, третью – за меня, лекаря Юрия, пожелав долгих лет и всего, всего, всего. По знаку Алтуфия из дверей вышли два холопа с подносами, накрытыми платками. Алтуфий встал, разговоры за столом сразу смолкли:

– Гости дорогие, я не зря ездил в Москву, чуть гребцов не загнал, привез отменного лекаря, который поднял на ноги моих любимых людей – сына и жену.

Купец низко поклонился мне:

– Подарил ты дорогим мне людям здоровье и жизнь, а в мое сердце вселил радость, хочу крепко обнять и поцеловать. – Он крепко меня обнял и троекратно, по-русски расцеловал. – И в знак уважения прошу принять от меня маленькую благодарность.

Купец подозвал холопов, они встали рядом, и картинно сдернул с одного подноса платок – поднос был завален серебряными монетами.

– Это за сына, Юрий!

Подошел ко второму подносу и сдернул платок с него – там лежали золотые монеты.

– Это за любимую жену!

Гости в зале приглушенно ахнули. Купец победно оглядел зал – как, мол, впечатление? Да, это в русском стиле – размах, широта души. Я приблизительно прикинул, это получается больше, чем мне дал французский король за лечение своего наследника. Дальше пир продолжался своим чередом. Гости уже изрядно набрались, но пьяным никто не был, пить на Руси умели. Ко мне периодически подходили с заверениями дружбы и помощи купцы, одновременно предлагая посетить и их дома на предмет полечить домочадцев. В разгар пира мужики решили выйти во двор, освежиться. Как всегда во все времена, зашел разговор о лошадях, затем об оружии, кто стреляет лучше, кто более удачливый охотник. Разгорелся спор, позвали холопа, который принес пару пистолетов и у забора поставил мишень. Спорщики стреляли по очереди, но не попали, скорее всего выпито было много. Все дружно стали говорить, что мишень для пистолетов далековата. Черт меня дернул сказать, что попаду оба раза из двух пистолетов, но своих. Я сходил в свою комнату, принес оба пистолета, пока ходил – круг зрителей увеличился, из дома, привлеченные голосами спорщиков и зрителей, подошли еще люди. Ну, назвался груздем, полезай в кузов. Я прицелился, задержал дыхание, выстрелил, не медля вытащил из-за пояса второй пистолет и выстрелил снова. Холоп принес фанеру, и все дружно уставились на нее, потом с изумлением на меня, тогда уже я, слегка растолкав купцов, взглянул на мишень. Обе пробоины были почти в центре, на дюйм друг от друга. Неплохие результаты даже для трезвого, видно, сам бог пьяному помогает. Купцы попросили посмотреть оружие, крутили-вертели, но поскольку никто не заглянул в ствол, то ничего необычного не нашли и решили, что все дело в моем мастерстве

стрельбы. Восхищенные, хлопали меня по плечам, предлагали пойти еще выпить, отметить отличную стрельбу. Все дружно отправились за стол продолжать застолье. Когда уже стемнело, появился оркестр – балалайки, гусли, рожки. Народ начал плясать, а поскольку я не большой любитель танцев под балалайку, то отправился спать. Утром выспался под завязку, умылся, есть не хотелось. Надо было думать об обратной дороге.

– Юрий, а ты что же не выполняешь обещание? – На дороге стоял Алтуфий.

Я изумился:

– Какое обещание?

– Да ты вчера обещал при знакомстве с гостями полечить кое-кого, вон у ворот уж часа два возок стоит, тебя дожидается!

Час от часу не легче. Раз обещал, придется выполнять. Собрался сам, собрал инструменты, поехал по купцам. Кучер сам знал, куда везти, вероятно, ему Алтуфий сказал. В каждом доме встречали с почетом, везде старались по русскому обычаю угостить вином, откажешься – обида дому, приходилось пить. К вечеру, уже сильно пьяный, я добрался до купеческого дома. Как прошел в свою комнату, помню смутно. Проснувшись утром, увидел в углу комнаты кучу вещей – шуба меховая, вроде как бобровая, несколько меховых шапок, несколько кошель с серебром. Я пошел к Алтуфию.

– Это что у меня в комнате, откуда взялось?

Алтуфий принялся громко хохотать, хлопая себя по ляжкам.

– Да ты и в самом деле ничего не помнишь? Слаб ты пить, лекарь хороший, а вот пить слаб. Это же тебе за работу дали товарищи мои, торговые люди, да благодарность передавали, спрашивали, когда в Москве будут, можно ли зайти к тебе полечиться али кого из родни привезти?

– Можно, конечно, работа у меня такая.

– Хотел сразу по водочке с тобой поговорить. У нас хлебное вино в Нижнем тоже тво-
рят, да с твоей водкой не сравнишь. Давай сразу большую партию куплю, скажи только, когда приказчика прислать да почем штоф стоит?

Мы обговорили все условия сделки и ударили по рукам. Теперь надо было решать вопрос с обратной дорогой. Можно было договориться с купцами, везущими товар на своих кораблях в Москву, но с кучей денег не хотелось рисковать. Я обратился к Алтуфию, тот удивился:

– Гости сколько хочешь, ты еще не всех объехал, кто хотел полечиться, а когда скажешь, что домой пора, тем же путем назад доставлю, я же обещал и слов назад своих не беру.

– Да надо уже назад, большие у меня там есть.

Алтуфий развел руками:

– Надо так надо. Когда обратно думаешь?

– Завтра с утра, сегодня еще кое-кого объеду, обещал.

Сев в возок, снова поехал по купцам, осматривал их самих, их жен, детей и ближнюю родню. К вечеру усталый и выпивший снова заявился домой. Я понимал, что каждый купец хочет быть хлебосольным хозяином, но так и спиться можно. С утра холопы быстро перетаскали в возок мое имущество, две сумки с монетами и сумку с инструментами я нес сам. У возка мы дружески попрощались с Алтуфием и его семейством, которое дружно вышло меня проводить. Когда я начал отъезжать, все дружно поклонились в пояс. Жалко мне в этот миг стало Россию, таких людей в войны да революции с перестройками потеряли, соль и цвет земли русской. Трудолюбивые, хваткие, жадные до дела, но не дураки отдохнуть и выпить. Все умели, но всему свое время. Обрато я добирался точно так же, менялись гребцы, оставалась лишь лодка да я со своим грузом. До Москвы добрались быстро, за два с половиной дня. Когда я зашел в дом, Настя, развернув мои сумки, ахнула.

– Да ты из Франции меньше привез, вот тебе и Нижний Новгород!

Я приказал истопить баньку, перекусил, помылся и завалился спать. Устаешь все-таки в дороге, да и погода была мерзкая, холодно и сыро, совсем не для путешествий. Дома отогревался и отсыпался два дня, затем объехал свои предприятия, на водочном заводике уже вовсю кипела работа над заказом Алтуфия, надо было сделать за неделю три тысячи бутылок, по срокам вроде успевали.

Через неделю прибыл приказчик от Алтуфия, водку к тому времени приготовили. Приказчик расплатился, рабочие начали грузить ящики на подводы. Со слов приказчика, Алтуфий будет в Москве через месяц, если водка хорошо будет продаваться, будет еще заказ. Ну что же, оптом сбывать лучше, меньше головной боли. А вообще-то стоит подумать о расширении водочного заводика, уже сейчас он работает почти на пределе возможностей, если большие заказы из Нижнего будут регулярными, нам придется ограничить в поставках Москву, а мне бы этого не хотелось. Я поговорил со своим управляющим – что надо для расширения производства, помещений хватало, нужно было оборудование и бутылки.

Глава 3

Взорвать Картахену

Вот и выпал первый снег, на улице стало светло и чисто, так что от света резало глаза. Из рта при дыхании вырывался пар, под ногами похрустывал ледок. Наступила зима. В это время стихали войны, снижались торговая и деловая активность. На телеге уже не проедешь, на санях еще рано, снега мало, а под снегом земля еще не промерзла. В такую пору только на теплой печи лежать. Вот в такую погоду к моим воротам подъехал, проваливаясь в снег и грязь, экипаж, запряженный четверкой лоснящихся коней в дорогих пополах. Из кареты, пыхтя и отдуваясь, вылез толстый вельможа. Камзол выдавал явно иноземное происхождение, на плечах была накинута соболья шуба – это уже точно московская погода заставила. Вельможа важно прошествовал к дому, холоп проводил его ко мне в комнату, помог снять шубу. Вельможа расшаркался, уселся в предложенное кресло. На ломаном русском языке начал разговор.

– Я имею честь представлять короля Англии, Шотландии и Ирландии Якова. По слухам, доносящимся до наших ушей от послов, а также от французского двора, вы, Юрий Кожин, очень искусный лекарь. Король Яков вот уже около полугода болен, его осматривали лучшие медики Англии, Испании и Франции, но назначенное лечение не помогает. Король специально прислал меня в Московию, дабы вы сообразовали поехать в Британию для лечения короля.

Да, была охота в такую погоду ехать в Англию, ближний свет! Вельможа терпеливо ожидал ответа, на его лице не отражалось никаких эмоций. Я решил отказаться – деньги после посещения Нижнего Новгорода у меня были, а поездка в Англию – это ведь не на один месяц.

– Вы знаете, я сейчас занят, у меня много больных, бросить которых я не могу, – сказал я.

– Да это же король! Это не простой смертный, он не может ждать!

– Его лечат лучшие английские врачи, – возразил я, а я тоже не господь бог!

Вельможа посмурнел лицом:

– На Балтике нас ждет специально посланный военный корабль, я просто не могу вернуться один, без лекаря. Меня ждут крупные неприятности.

– Хорошо, сколько заплатит король за его лечение?

– Я думаю, что пятьдесят золотых, это серьезная сумма.

– Пятьдесят? Да ваш король скупердьяй! Король французский Людовик за лечение сына заплатил вдвое больше. За лечение короля я прошу двести, и не меньше, причем половину сразу, авансом.

Вельможа задумался.

– Я должен посоветоваться с послом Британии, – сухо сказал он и с тем и отбыл.

Они что, думают, что если он король английский, я задаром должен тащиться за тридевять земель через беспокойное в это время года Балтийское море, отрываясь от семьи минимум на пару месяцев? Да нижегородский купец Алтуфий больше дал, а не король, однако. Жадноваты короли – сделал я вывод. Прошло два дня, на третий у ворот появился знакомый экипаж. Из него, сопровождаемый слугой, вышел английский вельможа и проследовал в дом. Поздоровавшись и усевшись, вельможа важно кивнул слуге, тот сделал шаг от двери, вытащил кожаный мешочек и положил на стол. В мешочке зазвенели монеты.

– Попрошу пересчитать в моем присутствии и написать расписку.

Я пересчитал и написал расписку, вельможа ее перечитал и спрятал за обшлаг рукава.

- Когда вы будете готовы к выезду?
- Завтра с утра жду вас.
- Хорошо!

Собрал инструменты, дорожное платье, поговорил с Анастасией и дал распоряжение Сидору, который оставался за главного в мое отсутствие.

Честно говоря, ехать не очень хотелось, было какое-то неясное предчувствие тревоги. Ночь прошла беспокойно, с бурными ласками Анастасии, как всегда перед моими долгими отлучками.

Утром подъехал возок, уже не на колесах, а на полозьях. Я, провожаемый домочадцами, вышел, Сидор нес сумку с инструментами и баул с вещами. Попрощавшись, сел в крытый возок, поехали. Дорога на санях была более комфортабельной, чем на колесах, но вельможа всю дорогу ехал и стонал, ругаясь по-английски, видно, проклиная всю Россию с ее дорогами, морозами и снегом. До Ревеля добирались долго, дней десять, за это время вельможа со своим нытьем мне ужасно надоел – и дорога, и еда в придорожных трактирах его не устраивали, он мечтал быстрее добраться до цивилизованной Англии. Однако вот и Ревель, порт. У стенки стоял английский военный корабль, если я не путаю – бриг. Когда вельможа по трапу взшел на корабль, команда построилась, а капитан, вытащив шпагу, салютовал вельможе, из чего я сделал вывод, что вельможа чинов не маленьких. Нас развели по каютам, и судно тут же пустилось в путь. Море почти все время штормило, туманы были почти каждый день, и матросы до изнеможения скалывали образующийся на палубе и многочисленных веревках лед. Через неделю пути впереди показалась земля, команда забегала шустрее, приводя потрепанный переходом корабль в пристойное состояние. За время перехода я почти все время просидел в каюте, на палубе ветрено, холодно, на нижние палубы меня вежливо, но твердо не пустили, видимо, опасались, что я могу высмотреть какой-либо военный секрет.

Сбросив паруса, на одном лишь носовом парусе корабль медленно втягивался в устье Темзы. В приветственном салюте громыхнули пушки корабля и береговых батарей с крепости. Мы пришвартовались почти в центре, подогнали карету, и мы с вельможей отправились в королевский замок. На улице был туман, но я во все глаза рассматривал окрестности. Вот и Биг-Бен, его я узнал сразу. Мы въехали во дворец и почти сразу же прошли в покои короля. Камердинер доложил о нас, и двери открылись. Вельможа церемонно поклонился, сделал несколько шагов и поклонился снова. Я повторил его действия, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. В огромной спальне с высокими стрельчатыми окнами на кровати под балдахином возлежал мой будущий пациент – мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, бледное лицо с усиками, синеватые мешки под глазами. Король о чем-то заговорил с сопровождавшим меня вельможей. Отдельные слова я мог понять, все-таки учил в школе и институте английский, но смысл всей речи от меня ускользал. Появился переводчик, сказал, что мне дозволяется говорить с королем, но это великая честь, и я должен быть краток. Расспросив короля Якова о жалобах, я попросил раздеться и осмотрел его. Диагноз был ясен – аденома простаты, надо оперировать. Вот почему английские врачи не смогли помочь – травы в данном случае не помогут, в лучшем случае – несколько облегчат состояние. Все это я попросил точнее и подробнее перевести королю. Тот со вниманием выслушал, задал кучу вопросов – сложно ли это, больно ли это, какие у меня гарантии и так далее. Я отвечал как можно правдивее – операция тяжелая, шанс на выздоровление есть, гарантий дать никаких не могу – я не Господь Бог. Монарх надолго задумался, как всякому человеку, ему не хотелось ложиться под нож, и он старался поторговаться:

– До меня донесли, что ты искусный лекарь, надо обойтись без операции, я еще не слишком стар.

Со всем возможным почтением я постарался объяснить, что без операции не обойтись, с каждым месяцем состояние будет ухудшаться и в дальнейшем даже операция может не помочь. Король взял время на раздумье, меня отвели в отведенную комнату и покормили. Обед, прямо скажем, был не королевский – жареный цыпленок, тушеные овощи и кислое красное вино. Ладно, пока король будет думать, лягу спать. Ночью ко мне прибежал взволнованный слуга, что-то говоря по-английски, и потянул меня за рукав. Я и так уж понял, что не ужинать зовут, взял инструменты и пошел за слугой. Король в ночной рубашке и колпаке стоял над горшком, тщетно пытаясь помочиться. Спальню оглашали стоны и крики. Слабый, однако, народец, эти английские короли. Я катетером вывел мочу, король сразу успокоился и улегся спать, потоптавшись, я пошел в свою комнату и последовал его примеру. Утром меня не тревожили, я всласть выпался на хорошей перине. Встав, умылся, сходил в туалет. Слуги, видя, что я уже встал, принесли овсяную кашу с изюмом и вино, от которого у меня еще вчера была изжога. Черт побери, кормежка у французов мне понравилась значительно больше, про вино я вообще промолчу. Интересно, а что пьют англичане? И вдруг в голове мелькнуло – эль! Вот что надо попросить у слуг, а не это вино. Но до эля дело не дошло, проснувшись, король потребовал лекаря. Дозрел, видно, за ночь. Переводчик монотонно бубнил:

– Его величество обдумал ваше предложение и изволяет высочайшее согласие, но обязательно присутствие английского хирурга.

Я не возражал, и операцию решили провести на следующий день. В этот же день я отлеживался в постели, к спиртному не притрагивался, мысленно проигрывая ход операции. С утра появился приятного вида старичок в мантии, переводчик представил его как королевского хирурга Патрика. Через переводчика я попытался выяснить уровень подготовки англичанина – делал ли он подобные операции, оказалось – нет, но рад будет посмотреть. Лучше бы помощь оказал, чем учиться, да еще на короле. Но выбирать не приходилось. Я вкратце пересказал ход операции, мы пришли в медицинскую комнату, оказывается, во дворце была такая с примитивным операционным столом, скудным набором инструментов. Под руки привели короля, мы вдвоем с Патриком уложили его на стол, я напоил короля настойкой опия, вместе с англичанином вымыли руки. Все свои действия я пояснял подробно, пока возражений или вопросов не было. Обработав живот высокопоставленного пациента спиртом, приступили к операции. Патрик внимательно смотрел, причем даже оказывал маленькую помощь, промокая кровь салфетками или держа крючки для расширения раны. Послойно разрезав кожу, мышцы, стенки мочевого пузыря, добрался до простаты. Этот доступ к аденоме называется в медицине чреспузырным. Вылушил узел простаты, все аккуратно зашил. На операцию ушло около полутора часов, закончилось все благополучно. Король постанывал, но пульс и дыхание были удовлетворительными. Наложили повязку, и по знаку Патрика четверо дюжих гвардейцев, осторожно переложив короля на ковер, унесли в королевскую опочивальню. Мы с Патриком вымыли руки, затем он набил трубку табаком и предложил мне. Давненько я не курил, даже запаха табака давно не ощущал. На Руси табак еще не был распространен, церковь относилась к курению резко отрицательно, предавая анафеме.

Мы уселись на стулья, закурили по трубочке. Табак на удивление был хорош – легкий, ароматный, с привкусом то ли дуба, то ли еще какого-то дерева. Сделав затяжку, я удивился, затем одобрил:

– Very good!

Эти слова даже при моем скудном словарном запасе я знал. Лицо Патрика расплылось в самодовольной улыбке.

– Вест-Индия!

Он поднял указательный палец. Я очень давно не курил, с непривычки слегка закружилась голова. Патрик достал бутылку виски, разлил по рюмкам. Мы выпили – это оказалось отменное виски. Я одобрительно поднял большой палец. Патрик захохотал и хлопнул меня

по плечу. Затем через переводчика я ответил на его многочисленные вопросы, начиная, чем протирал живот и кончая вылушиванием узлов. Разговор продолжался долго, часа два, под конец я попытался сказать, что теперь мне надо проведать пациента. Патрик удивился:

– А зачем? У его постели будут бессменно дежурить два английских врача, при ухудшении состояния вас немедленно известят, единственная просьба – не уходить из дворца, дабы вас можно было быстро найти. Такие руки, как у вас, – Патрик завистливо покосился на мои руки – надо беречь, они стоят значительно дороже золота.

Он не предполагал, что в далекой Московии могут быть хирурги такого уровня. Поскольку он является членом Британского общества хирургов, просит разрешения подробно описать ход операции на собрании. Я великодушно согласился. Поскольку за операцию я все-таки устал, причем больше сказывалось нервное напряжение, все же король, владыка половины мира, если считать колонии, ошибка могла бы мне дорого стоить, решил отдохнуть. Утром, не надеясь на английских коллег, пошел взглянуть на пациента. Состояние было неплохим. Король постанывал, капризничал – но на то он и монарх, повязка была почти сухой, рядом сидели два врача в зеленых камзолах, возле них лежали перевязочные материалы. Я пощупал лоб, небольшая температура была. Дав некоторые указания, взяв переводчика, я отправился побродить по дворцу, не каждый день приходится бывать в замке английских королей. Я помнил, что дворец французского короля Людовика мне так и не удалось осмотреть. Меня проводили в картинную галерею, где были портреты всех родственников короля, осмотрел доспехи и оружие, причем кое-что смог надеть на себя ради интереса. Затем отправился обедать. Меня обслуживали быстро, вежливо, но как-то уж безразлично. У всех слуг каменные, ничего не выражающие лица. То ли вышколены во дворце, то ли все англичане такие. Уныло прошла неделя, король начал вставать, легко самостоятельно мочиться. По-моему, он обо мне и не вспоминал. Дня через три через переводчика, совместно с Патриком, я осмотрел короля Якова, признал его состояние удовлетворительным, в моих услугах он больше не нуждался. Патрик был со мной согласен. Я напомнил королю, что хорошо бы со мной рассчитаться, и попрощался. Часа через два в мою комнату вошел королевский казначей, скривясь, отсчитал золотые и попросил расписку, которую я незамедлительно написал. Да, порядок в Англии был, это не французский двор, уж я-то мог сравнить. Следом после ухода казначея вошел вельможа, что сопровождал меня по пути в Англию, объяснил, что во дворе стоит экипаж, который отвезет меня в порт, корабль ждет меня, капитан предупрежден, и меня доставят назад в любой порт на побережье Балтики. Мы раскланялись, я собрал свои небогатые пожитки и сумку с инструментами и вышел. Сопровожденный слугой, который нес сумки, сел в экипаж и направился в порт, по дороге снова разглядывал улицы, дома, мосты. Тумана в этот день не было, и можно было хоть что-то разглядеть. У пристани стоял прежний бриг, дежурный матрос позвал дежурного офицера, тот узнал меня, и я поднялся на борт. Меня поместили в ту же каюту, бриг поднял паруса и вышел в море. Ветер был небольшой, и ход был невелик. Но постепенно земля скрывалась из виду. Я стоял на палубе, глазел, как матросы четко и быстро выполняют команды.

Вдали показались паруса трех кораблей, они шли встречным курсом, быстро сближаясь. Капитан со старшим офицером долго смотрели в подзорные трубы, взволнованно переговариваясь. Засвистела боцманская дудка, матросы резво забежали, заскрипели люки орудейных портов. Похоже, корабли были неприятельские. Я подошел к старшему офицеру – указал рукой на корабли, он коротко бросил.

– Испания!

Вот дела, мне не хватало встрять в морской бой, тем более один корабль против трех неприятельских навевал нехорошие предчувствия. Сделать что-либо я не мог, просто стоял, опершись на борт, и глазел, как испанцы обходят нас слева и справа. Слева по ходу надвигались два судна, по размеру вроде нашего – кажется, каравеллы, а справа тяжеловесной

тушей подходил здоровенный галеон. Порты всех орудий были открыты, было уже видно, как на палубе суетятся матросы. Если сейчас грохнут, нам будет полный капут. С галеона засемафорили флажками, на английском бриге спустили паруса, и мы остановились. Вокруг капитана собрались офицеры, матросы с боцманом стояли у мачт, все ждали дальнейшего развития событий. От галеона отвалила шлюпка, стала приближаться к нам. Сам галеон – здоровенное судно с тремя рядами орудийных портов по борту – стоял недалеко, не более чем в кабельтове. Было видно, как испанский капитан стоит на корме и наблюдает за нами в подзорную трубу. Шлюпка подошла, с брига сбросили веревочный трап, и испанцы полезли на корабль. Первым на палубу взобрался молодой испанский офицер в расшитом золотом синем мундире, за ним посыпались матросы, держа в руках короткие абордажные сабли, но сопротивляться никто и не думал. Офицер подошел к англичанам, протянул руку, и капитан отдал ему свою шпагу. Испанец повернулся к галеону и в высоко поднятой руке помахал шпагой в ножнах. Как я понял, мы попали в плен. Мои нехорошие предчувствия еще там, в Москве, меня не обманули. Похоже, и деньги плакали, и сам теперь в испанском плену окажусь. И дернуло же меня связаться с англичанами. От галеона отвалила еще одна шлюпка, на палубу взобралась новая партия испанцев. Офицеров разоружили, отвели в кормовую каюту, меня после разговоров капитана и испанского офицера поместили к ним же. Матросов заперли в трюме. И у трюма, и у кают с офицерами поставили вооруженных часовых. По судну чувствовалось, что оно делает поворот, испанцы подняли паруса, и в окружении трех испанских судов английский бриг направился на юг, в Испанию. Английские офицеры вели себя спокойно, достали из шкафчика виски или бренди, уселись на пол и занялись поглощением алкоголя, неспешно переговариваясь. Было такое ощущение, что они не больно-то и переживали пленение и сдачу корабля. Для военного любой страны это позор, сдача вместе с судном без боя – позор вдвойне. Конечно, война в Европе идет давно, и воюющие страны от нее подустали, но не до такой же степени. Может быть, выдержка у англичан отменная? Скорее всего после окончания военных действий их обменяют на испанских пленных или выкупит английская казна. Я же сам по себе, обо мне английский король беспокоиться не станет, и как гражданскому лицу обмен на пленного испанца мне не грозит тоже. Может, по прибытии на место требовать интернирования? Россия сейчас ни с одной страной Европы не воюет, а с Испанией не воевала никогда, капитан судна должен подтвердить, что меня привезли из России и везли обратно, ни в каких военных действиях я участия не принимал. Другой вопрос – поверят ли пленному англичанину испанцы, а если и поверят, захотят ли отпустить? О жестокости испанцев разговоров было полно, слухи докатывались и до России. Могут посадить гребцом на галеры, век тогда не освободишься, тем более ростом и силой я не обижен. За размышлениями я не заметил, как наступили сумерки. Изредка небольшими группами нас выводили в туалет, дали питьевой воды. Офицеры улеглись в каюте на пол и дружно принялись храпеть. Ко мне же сон не шел, я крутился на жестких досках пола и строил планы своего освобождения. Ничего разумного в голову не приходило – ну не бросаться же с корабля в открытое море. С тем под утро и уснул. Нас в каюте никто не беспокоил, только в полдень принесли питьевой воды и сухарей. К вечеру по палубе раздался топот ног матросов, захлопали опускаемые паруса. Один из офицеров, стоя у кормового окна, сказал, что узнает эти берега – мы приближаемся к Картахене, одному из портов Испании. Мимо проплыли гранитные, обросшие мхом валуны портовой крепости, из амбразур торчали внушительные чугунные стволы крепостных пушек. Корабль мягко стукнулся о причал, пришвартовались. Часа через два открылась дверь, и нас поодиночке стали выводить из каюты. Стоящие у входа матросы накидывали веревочные петли на шею, связывали руки. Мы образовали цепочку связанных между собой людей. Спереди и сзади встали матросы из охранения, на плече у каждого висел мушкет, в руке обнаженная абордажная сабля. По трапу нас согнали на причал, где уже находились связанные матросы, и погнали в город. Среди мат-

росов и офицеров раздавались возгласы «Картахена», видно, кто-то из них ранее посещал этот порт и город, но мало кто тогда знал, что придется вернуться в ином качестве. Дорога поднималась в гору, не доходя до города, мы свернули на боковую дорогу и через километр уткнулись в ворота крепости. Команда судна была слишком велика, чтобы поместить ее в городскую тюрьму, и нас решили заточить в крепости. Ворота со скрипом распахнулись, нас провели по территории. Пока мы медленно шли, я старался рассмотреть, где что находится: вон вдали крепостная стена с пушками, почти в центре трехэтажное каменное здание, вероятно, комендатура крепости и крепостные службы, у небольшого домика толкуются испанские солдаты, в руках у них миски с похлебкой – тоже понятно, что кухня. Крепость была окружена только тремя стенами, с четвертой стороны – гора с довольно крутыми склонами. У подножия горы – небольшая дверь и часовой. Надо запомнить на всякий случай, скорее это склад, вот только какой – артиллерийский или продовольственный? Больше толком ничего рассмотреть не удалось. Нас затолкали в подвал, предварительно сняв веревки, да и зачем они были нужны, в стенах у самого потолка маленькие оконца с толстыми решетками, единственная железная дверь с двумя часовыми. Причем наша импровизированная тюрьма внутри крепости, где полно солдат, шансов сбежать отсюда тоже нет, надо было ждать удобного случая. В подвале было прохладно и сыро, на полу валялась слежавшаяся солома, в углу пищали крысы, с потолка капало. С непривычки уснуть здесь было тяжело, но сморенный усталостью, я нашел себе местечко, лег и уснул. Утром увели капитана и принесли воды с сухарями. Во время дележки сухарей я заметил у некоторых матросов ножи. Нас не обыскали на судне, крепостные вояки понадеялись на моряков, не видно в руках сабель и шпаг, а на плечах мушкетов, да и ладно. Вернулся капитан, переговорил с офицерами и подошел ко мне. Насколько я смог понять – из всей команды заинтересовались мной. Как бы интерес этот не вышел боком, испанцы большие любители жестоких пыток. Не успел я обдумать слова капитана, как пришли за мной, нашли безошибочно, ведь я единственный был в гражданской одежде, офицеры и матросы английского брига все были в форме. Как я и предполагал, меня повели в трехэтажное здание в центре крепости. Я как можно незаметнее попытался передвинуть оставшийся у меня пистолет подальше, чтобы он был хорошо прикрыт полый камзола. Меня провели в большую комнату на первом этаже, где за столом сидели два сеньора в испанской военной форме. Один был уже стар и сед, но строен и подвижен, в расшитом золотом камзоле и широкополой шляпе, второй значительно моложе и упитанней. Испанцы начали разговор по-английски, но я сразу сказал: «Ноу» и развел руками, продолжили на испанском, затем немецком, но я лишь разводил руками и повторял: «Русо, Московия». Испанец сделал знак, и меня снова увели в подвал. До вечера меня никто не беспокоил, но уже утром снова повели в комендатуру. Были те же лица, но прибавился еще один человек, сидящий в углу на стуле. Одет был скромно, если не сказать бедно, причем в гражданскую одежду. Переводчика отыскиали – догадался я. И точно, испанец спросил, кто я такой и как попал на английский военный корабль, переводчик складно перевел, говорил он со странным акцентом, но понять его было можно. Я объяснил, что я лекарь из Московии, звать меня Юрий Кожин, по приглашению английского короля был в Англии, чтобы лечить короля Якова. После того, как переводчик перевел, седой расхохотался.

– Неужели в Англии перевелись хорошие врачи, что из далекой Московии, где люди ходят в шкурах зверей, надо было приглашать лекаря? Чем ты можешь подтвердить свои слова?

Я подумал:

– На английском корабле в сумке мои медицинские инструменты и награда за лечение – сто золотых монет. Пусть ваши люди проверят.

При упоминании о золотых монетах глаза обоих испанцев жадно блеснули. Больше меня ни о чем не спрашивали и снова отправили в подвал. Я хоть немного подышал свежим

воздухом, стараясь идти медленно, в подвале воздух был влажным, спертый, вонючим из-за скученности и отсутствия туалета. На следующий день меня снова повели к коменданту. На этот раз, кроме троих уже известных мне лиц, присутствовал еще один, судя по подобострастному поведению испанских офицеров, довольно важная шишка. На его лице застыла гримаса презрения к окружающему миру, глазки злобно посверкивали. На столе лежала моя сумка с медицинскими инструментами, было видно, что в ней копались.

– Мы проверили твои слова, московит, в сумке действительно лекарские инструменты, но сумку ты мог взять с собой для того, чтобы укрыть тайные дела, признавайся!

– Мне не в чем признаваться, я только лечил короля!

– Мы подозреваем, что ты являешься тайным послом московитского царя Михаила, посещая Англию, чтобы сговориться о союзе Московии и Англии в совместной войне против Испании.

– Нет, я не тайный посол, все, что я умею, это лечить, причем очень хорошо, если вы можете проверить, то я лечил сына французского короля Людовика.

Испанцы переглянулись.

– Проверка займет слишком много времени, за лекарем не будут посылать военный корабль во время войны, здесь кроется какая-то тайна. Скажи, зачем ты был в Англии, какие грамоты передал королю Якову, или послание было только на словах. О чем сговариваются московитский царь Михаил и английский король?

Я лишь пожал плечами в ответ. Такого развития события я не предполагал, могли бы спросить о состоянии здоровья короля или еще какие-либо вопросы, но заподозрить во мне тайного лазутчика или посла?

Хотя и в самом деле, для испанцев некоторые основания для подозрений были. Почему за гражданским лицом послали военный корабль в далекую страну, когда корабли нужны на войне? Стало быть, лицо надо доставить в целости, пушки хранят секреты лучше, чем сундуки. Опять же, при мне в каюте было значительное количество золотых монет. Поди угадай, за что, за лекарскую ли работу, на подкуп нужных лиц и еще за что-либо? Определенно, испанцы имеют основание для подозрений.

Испанцы посоветовались, незнакомый мне тип со зловещей улыбкой пообещал завтра разговаривать меня с помощью палача, ведь «испанские сапоги» разговаривают любого. Меня снова увели в подвал. Похоже, завтра за меня возьмутся всерьез, что им и в самом деле стоит пригласить для неразговорчивого московита палача? Сказать я все равно ничего не смогу, так как не знаю, о чем речь, испанцы это воспримут как упорство и стойкость и будут пытаться еще сильнее. В конце концов за несколько дней сделают из меня калеку. Видно, подходит момент для решительных действий. В узилище я подошел к одному из матросов, знаками показал, что хочу его нож, тот достал его из ножен, повертел его передо мной и потер большим пальцем об указательный, жест понятный всем. Я снял с пальца золотое кольцо и протянул его, взамен получил нож с ножнами и сунул его за пояс. Теперь у меня были пистолет с одним зарядом и нож. Лучше умереть, чем попасть в руки палача.

Ночь прошла беспокойно, я мысленно проигрывал различные варианты, но все они были утопическими. Уж воевать испанцы умели, и я не думаю, что в крепости солдаты были неумехи. Ладно, вяжемся в бой, а там видно будет. Как говорится – «бог не выдаст, свинья не съест».

Утром я проснулся бодрым, несмотря на то, что спал мало, по жилам бежала кровь с адреналином, тело было готово к схватке. Как и оказалось, меня снова повели на допрос. Я старался идти медленно, исподтишка оглядывая крепость. До ворот далековато, но от горы в сторону стен и ворот был уклон, для того, что я задумал, это было то, что надо. Завели в комнату, где сидели испанцы. На этот раз рядом с переводчиком я увидел палача – одноглазый, с повязкой на пустой глазнице, со шрамом через всю щеку, в кожаном перед-

нике, он только своим видом наводил страх. Сопровождающий меня солдат вышел. Вся троица сидела за столом, развалилась в креслах. Я решил использовать фактор неожиданности – выхватил пистолет и выстрелил в главного, что сидел с надменным лицом и обещал вчера пытать. От неожиданности все оцепенели, я выхватил нож и метнул его в коменданта. Нож попал очень удачно, я боялся, поскольку давно не тренировался, что он попадет ручкой или плашмя. Но нож вошел хорошо, чуть выше левой ключицы, в шею, почти по самую рукоять. Не давая опомниться, я подскочил к оседающему в кресле коменданту, выхватил из ножен его шпагу и резанул по горлу второго офицера. Захрипев, он повалился лицом на стол. В это время приоткрылась дверь, и зашел солдат, с недоумением глядя на побоище. Не давая ему времени вытащить саблю или снять с плеча мушкет, я перепрыгнул через стол и всадил шпагу ему в живот. Резко побледнев, он упал на пол. Но я недооценил палача. Пока я занимался офицерами, он схватил какие-то железные щипцы и ударил меня. Краем глаза я успел заметить предмет, летящий мне в голову, и успел отклониться. Каким-то чудом железняка пролетела мимо головы и больно ударила по плечу. Второй раз ударить у него не получилось, я ударил шпагой его в шею, провернув для верности. Единственный его глаз, до того плававший злобой, помутнел, подернулся пеленой, и палач упал, засучив ногами. В углу сидел бледный переводчик, не ожидавший такого поворота событий. Он трясся от страха, глаза от ужаса лезли из орбит. От греха подальше я связал его и заткнул кляпом рот. Затем раздел убитого солдата, кое-как натянул на себя его форму. Если камзол еще налез, то штаны трещали по швам, сапоги оставил свои. На голову водрузил испанскую шляпу, опоясался солдатским поясом, на котором висели подсумки с порохом и пулями, повесил к поясу солдатскую саблю в ножнах, она для меня была привычнее шпаги, взял в руки мушкет и выглянул в окно. В крепости пока было все спокойно. Поскольку звук пистолетного выстрела приглушили толстенные стены, беспокойства в стане противника не было. Я колебался, попытаться освободить матросов с английского брига или выбиратья самому. Были бы русские, я бы не сомневался, но ведь может получиться, что я прорвусь с боем ко входу в подвал, без шума эта затея не обойдется, поднимется тревога, а команда брига может и не поддержать меня, по-моему, они уж очень легко сдались испанцам. Не получится ли так, что я останусь один на один с разъяренными испанцами, это как сесть голой задницей в развороченный улей диких пчел. Нет, рисковать попусту не стоит, я не настолько уверен в патриотизме англичан. Еще был вариант – сразу идти к воротам – но пропуска у меня нет, пароля не знаю, солдатам не знакомо мое лицо, а наверняка в крепости они знают в лицо друг друга. Тоже не пройдет вариант. Оставался еще один, к которому я склонялся, лежа ночью в подвале. Я еще раз выглянул в окно, вдали на плацу маршировали солдаты, у кухни толкались несколько испанцев, было спокойно. Мой расчет строился на входе в пещеру, где стоял часовой. Если это артиллерийские погреба, все должно быть хорошо, если же это вещевого или провиантский склад, то я пропал. Я вышел из комендантского здания и спокойным шагом направился к двери в пещеру. Пока на меня никто не обращал внимания – ну идет себе солдат по крепости, что здесь необычного. Сердце мое колотилось, казалось, на меня обращены все взгляды, хотелось припустить бегом, и приходилось сдерживать себя, раскрываться раньше времени не стоило. Я подходил к часовому ближе и ближе, наконец, когда нас разделяло метров двадцать, он забеспокоился, лица из-за низко надвинутой шляпы он разглядеть не мог, но что-то ему не понравилось – мундир ли сидел не так, или еще что-либо его встревожило, но он рывкнул что-то по-испански и снял с плеча мушкет. Я продолжал идти прежним шагом. Часовой приложил к плечу мушкет, но я был настороже, и когда грянул выстрел, упал на землю. Пуля просвистела высоко надо мной. Зато я не промахнулся, из положения лежа в стоящего человека с двадцати шагов попадет даже начинающий стрелок. Я несколькими прыжками подскочил к двери и прикладом мушкета стал сбивать замок. Выстрел и удары мушкета привлекли внимание. От марширующих на плацу солдат отделился сержант – или

кто у них там в испанской армии – и быстрым шагом направился ко мне. Вероятно, издали он принял нашу перестрелку за пьяную разборку двух солдат. Проклятый замок не поддавался, я засунул ствол мушкета за дужку и, действуя им, как рычагом, сломал наконец замок и распахнул дверь. В лицо дохнуло прохладой и, мне на радость, пушечной смазкой. Артиллерийский склад! Сержант что-то кричал, вынимая на бегу из ножен шпагу. Ага, дождались! Я бросил мушкет с погнутым от моего усердия стволом, заскочил в пещеру и закрыл за собой дверь на засов. Дверь была серьезной, толщиной сантиметров пять, дубовая и обита бронзовыми полосами. Какое-то время у меня оставалось, такую дверь сломать непросто. В пещеру сверху, через узкое отверстие, проникал скудный свет, царил полумрак, ну конечно, испанцы должны были позаботиться о естественном освещении, не со свечками же им ходить среди бочек с порохом. Я немного постоял, пока глаза не привыкли к полумраку, и когда стал различать окружающие меня предметы, двинулся по пещере. Она имела несколько ответвлений, правда, были они короткими, метров по пятьдесят. Я беспокоился, нет ли второго входа, иначе мне придется туго. Но галереи были плотно заставлены бочками с порохом, в пирамидах стояли мушкеты, в другой галерее хранилось холодное оружие – шпаги, сабли, боевые топоры, алебарды. За полчаса я успел по-быстрому обойти все помещения. Устроено все было солидно, в горе руками рабов была выдолблена пещера, самое лучшее укрытие для любого склада – ни стены не разобрать, ни подкоп не сделать, да и крыша никогда не протечет. Со стороны двери раздались крики и удары, затем грянуло несколько выстрелов. От двери полетели щепки, появилось несколько пробоин. Однако раздался сердитый голос сержанта – до него дошло, что стрелять в пороховой погреб чревато взрывом. Я не спеша зарядил несколько мушкетов со склада, выбрал со стеллажа хороший нож толедской стали отличной выделки в кожаных ножнах и сунул его за пояс. Снял с себя мундир испанского солдата, оставшись в гражданской одежде. Осторожно подкрался к двери и заглянул в одно из пулевых отверстий. У дверей стояло несколько испанских солдат. Сержант с десятком солдат стоял у здания коменданта и яростно спорил, размахивая руками. Ага, ну это понятно – нашли убитых и выясняют, кто да зачем, похоже, офицеров в крепости не осталось, и решения теперь придется принимать сержанту. Жалко, что на этом складе не было продовольствия, есть и пить хотелось сильно, пустой желудок бурчал. За дверью слышались шаги, я заглянул в дырку – перед дверью стояли сержант и переводчик. Этот уже рассказал страшилки про меня, теперь испанцы знают, кто их противник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.